THE LIBRARY OF CONGRESS
1800

Class_____

Book_____

YUDIN COLLECTION

CPO

Krichevskaia, Liubov!
Moi svobodnyia minuty

МОИ СВОБОДНЫЯ МИНУТЫ,

ИЛИ

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

въ стихахъ и прозѣ

Любови Кричевской.

ВЪ ХАРЬКОВѢ.

Въ Университетской Типографіи,
1818 года.

PG3337
.K67M6

Печатать позволяется:

Съ тѣмъ, чтобъ по напечатаніи сей Драммы, представлено было оной пять экземпляровъ въ Особенную Канцелярію Министерства Полиціи. Декабря 8 дня 1817 года.

Секретарь Соц.

ZL 12 Ju 57

КЪ ЧИТАТЕЛЯМЪ.

Говорятъ, что признательность есть знакъ добраго сердца. Какое пріятное замѣчаніе для меня! Желая удержать при себѣ довѣренность своего читателя, я со всею признательностію являюсь предъ него въ ту минуту, когда онъ полагаясь на мою скорую рѣшимость издать *свои свободныя минуты*, беретъ ихъ въ руки надѣясь провести хотя одинъ часъ съ удовольствіемъ. Нѣтъ! я не обольщаю себя сею сладкою мечтою; не только голосъ самолюбія, но даже прозьбы и одобренія друзей, не могли принудить меня взять на себя столько смѣлости, чтобы надѣятся доставить нѣсколько пріятныхъ минутъ читателямъ моимъ; знаю,

чаю дружба самый пристрастный цензоръ и можетъ быть въ семъ одномъ случаѣ не должно довѣрять ей.

Не науки и познанія настроивали мою лиру; и даже сіе самое обыкновенное выраженіе: *я училась за мѣдныя деньги* — нейдетъ ко мнѣ, потому что я ни за какія не училась. Сокращенный Катихизисъ преподанный мнѣ нѣжною, доброю матерью составлялъ всѣ мои науки; слава Богу! я чувствую, что сего довольно для истинно Христіянской жизни; но какъ мало для того, кто захотѣлъ бы присвоить себѣ громкое названіе писателя.

И такъ, почтенный читатель, не обѣщаю тебѣ ничего своими *свободными минутами*; не для славы издаю ихъ; чувство гораздо возвышеннѣйшее сего побудило меня къ тому, и забывъ свои

недостатки, я хочу испытать твое терпѣнїе. Могла ли я вообразить когда, что бы сїи листочки изписанные мною для препровожденїя времяни, доставили мнѣ, собственно мнѣ сїе неизъяснимое удовольствїе, произведенное во мнѣ надѣянїемъ сколько нибудь способствовать почтеннѣйшей Публикѣ, излить новое благодѣянїе, на сиротъ призрѣнныхъ Харьковскимъ Обществомъ благотворенїя, которому сердце мое съ восторгомъ посвящаетъ сїи слабые труды? Чувствительные сердца! подивитесь моей хитрости; я нашла способъ быть читаема вами. Кто изъ васъ откажется быть благодѣтелемъ нуждающемуся человѣчеству? — Ахъ! благословенна та минута, въ которую я перенесла свое перо, отъ расходной книги, на сїю тетрадку.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

МОИ СВОБОДНЫЯ МИНУТЫ

Молитва при взглядѣ на Распятіе.

Господь! — мой Богъ, мiровъ зиждитель!
Воньми — услыши сердца гласъ.
Отецъ, и сирыхъ покровитель!
Дай мысль, восторгъ мнѣ пѣть въ сей разъ.
Дай мысль, — дай сердцу утѣшенье,
Что я твое за насъ терпѣнье
Еще достойна понимать;
Тебѣ душевно покланяться, —
Твоимъ щедротамъ удивляться, —
При словѣ: *распять!* — трепетать.

*

Кто можетъ мысль сiю ужасну
Безъ умиленья разобрать?

Твою къ намъ милость чисту, ясну
(Взявъ жизни крестъ) не понимать?
Чтобь насъ спасти отъ смерти вѣчной,
Чтобь намъ вкусить покой сердечной,
Ты -- принялъ смерть, всѣ муки, месть; --
Открылъ намъ къ вѣчности дорогу,
Гдѣ дряхлу, сиру и убогу,
Мірскихъ напастей ужъ не несть.

*

Меня, соединилъ съ Собою; —
Меня? — О преблагій Творецъ!
Что значу я передъ Тобою?
Гдѣ благости Твоей конецъ?
Я чистымъ сердцемъ вопрошаю: —
Себя увѣрить въ томъ дерзаю,
Что въ душу мнѣ вольешь отвѣтъ.
Умомъ постигнуть я не смѣю,
Но въ сердцѣ чуствовать умѣю; —
Его да озаритъ Твой свѣтъ.

*

Пусть всякій часъ въ виду имѣю
Твое страданіе за насъ.
Великій боже! — пусть умѣю
Не помнить зла въ тотъ самый часъ
Когда враги хулу сплетая,
Своею злостью поражая,
Меня желаютъ угнѣтать.
Пусть я тогда къ Тебѣ взываю,
Тебя на помощь призываю, —
Не мстить имъ, Боже! — а прощать.

*

Даждь сердцу моему терпѣнье
Всѣ горести переносить;
Мое душевно огорченье
Единой мысли покорить: —
Что Ты, благій, всезрящій, вѣчный, —
Несъ горе въ мукѣ безконечной,
Какого намъ не ощущать;
По благости твоей безмѣрной,

Ты не далъ намъ печали вѣрной;
Насъ радость можетъ врачевать.

*

Еще, Всесильный! умоляю
Исполнить то о чемъ прошу: —
Винюсь — я многаго желаю, —
Но этимъ многимъ и дышу.
Дай маминькѣ моей спокойство!
Не нужды — а во всемъ довольство;
Чтобы ей долго, долго жить; —
Чтобъ время больше я имѣла
Исполнить то что я хотѣла,
Мою всю жизнь ей посвятить.

*

Чтобъ братья, сестры, мнѣ родные
И милые друзья мои,
Несли щедроты всѣ благія,
И милости — мой Богъ! Твои. —
И тотъ — кто въ вѣчность преселился

Кто добрымъ быть всегда стремился
Родитель мой, — о вѣчный Богъ!
Пріими его въ Свою обитель,
Благій! — правдивыхъ душъ блюсти-
тель,
Пріими! — въ пресвѣтлый Твой чертогъ.

*

Даруй! чтобъ я всегда имѣла
То чувство, съ коимъ предъ Тобой
Предстать во всѣ минуты смѣла,
Съ спокойной, чистою душей! —
Препятствъ чтобъ въ жизни не встрѣ-
чала
Когда добро творить желала; —
Чтобъ духъ мой помнить всегда могъ:
Что Ты лишь добрыхъ принимаешь,
Имъ всѣ блаженства назначаешь; —
Для злыхъ же есть — Ты страшный
Богъ!

* * *

Моя молитва

Въ день Ангеловъ: Вѣры, Надежды и Любви. 17 Сентября 1807 года.

Внемли, мой Богъ! — мое моленье,
Исполни чувствъ моихъ прошенье: —
Дай щастье миръ сердцамъ троимъ;
Даруй Твоей будетъ кровомъ имъ!

*

Чтобъ Вѣра — всѣхъ могла увѣрить,
Что благъ лишь тѣхъ не льзя измѣрить,
Какіе Духъ Твой посылаетъ,
Къ нему кто съ Вѣрой прибѣгаетъ.

*

Даруй! — Надеждѣ исполненье
Ея надеждъ; — и укрѣпленье

Здоровья, щастія ея; —
Да будетъ благость съ ней Твоя. —

*

Любови жъ даруй Ты терпѣнье
Въ любви, въ неправдѣ — утѣшенье
Что будетъ столькоже любима,
Какъ добродѣтель въ любви чтима.

*

Пошли сей тройцѣ сожалѣнье,
Доброту, тихость, умиленье;
Влей въ сердце истинну сихъ словъ:
Надежда, — Вѣра — и Любовь.

* * *

На нарисованномъ мною Образѣ, подаренномъ моему брату Оресту.

О Образъ преблагій! — Тебѣ я поручаю
Здоровье милаго Ореста моего;

О щастіи его молить Тебя дерзаю;
Съ спокойствіемъ въ душѣ — мнѣ возврати его!

* * *

Молитва въ день рожденія моего брата Ореста.

Кому какъ не тебѣ, — Великій, сильный Боже!
Могу я посвятить день сердца моего?
Тотъ день въ которой Ты, что мнѣ всего дороже
Создалъ, — для нѣжныхъ чувствъ, для добраго всего.
О Боже! — Дай чтобъ онъ тѣ чувства драгоцѣнны,
Для любящихъ его навѣки сохранилъ;
Чтобъ были для него всѣ въ жизни дни безцѣнны,

Чтобъ каждой день его, замѣченъ
щастьемъ былъ;
Чтобъ сильный и меншой равно его
любили,
Коварства бъ, хитрости людей не ис-
пыталъ,
Чтобъ дружбу добрые всегда къ нему
хранили,
Измѣны бъ отъ сердецъ любезныхъ не
позналъ;
Чтобъ Ангелы Твои его оберегали,
Въ моряхъ и на войнѣ съ оружіемъ
въ рукѣ,
Своею силою всѣ бъ бури укрощали
И ставили его отъ золъ всѣхъ вдалекѣ.
Ктожъ въ нѣжности его все благо по-
лагаетъ,
Кто вѣчно будетъ всей душей любить
его,
Пусть всѣми чувствами того распо-
лагаетъ,

И будетъ во всю жизнь наставникомъ
того.
Господь! Ты каждому моленїю внимая,
Исполни и сїе сердечное мое!
Въ желаньяхъ сихъ свое я щастье за-
ключая,
Молю! — душею чтя величїе Твое.

* * *

17 Сентября 1816 года.

Тужъ мысль, — тожъ сердце по-
вергаю
Предъ тронъ Владыки всѣхъ мїровъ;
Храни о Боже! — умоляю:
Надежду, — Вѣру — и Любовь.

*

Храни! — ихъ душъ благодаренье
За всю безчисленность даровъ!

Ты далъ познать, имъ въ утѣшенье:
Надежду, — Вѣру — и Любовь.

*

Храни! — безмѣрно упованье
Что не падутъ унынья въ ровъ;
Тамъ скорби нѣтъ, гдѣ все желанье
Надежда, — Вѣра — и Любовь.

*

Храни! здоровье и спокойство,
И то, что краситъ жизнь ихъ вновь;
Чтобъ не желали сверхъ довольства
Надежда, — Вѣра — и Любовь.

*

Храни! веселость непритворну
Въ сердцахъ, а не по звону словъ;
Введи въ бесѣду ихъ отборну
Надежду, — Вѣру — и Любовь.

*

Храни! возможность такъ какъ нынѣ,
Принявъ друзей въ свой тѣсной кровъ,
Пѣть въ щастливой своей судбинѣ
Надежду, — Вѣру — и Любовь.

*

Я каждый день о томъ взываю:
Прiйми Ты ихъ подъ Свой покровъ;
Ты зришь, — я въ сердцѣ заключаю
Надежду, — Вѣру — и Любовь.

* * *

На нарисованнамъ мною Образѣ Магдалины, подаренномъ въ день Ангела, Анютѣ.

Святую рисовавъ, святую я молила,
Чтобъ щастьемъ въ этотъ день Анюту подарила;

Чтобъ радости во всемъ могла она
найтить,
И чтобъ меня всегда умѣла такъ лю-
бить.

* * *

Вѣра, Надежда и Любовь.

Чью душу наполняетъ Вѣра,
Тому есть сладкая Надежда
Что въ добрыхъ сыщетъ онъ Любовь!
Что къ Богу ближнїй путь есть Вѣра,
Что горесть уменшитъ Надежда
И дастъ быть щастливымъ Любовь!
Ахъ! — будь всегда со мною Вѣра!
Въ тебѣ лишь чистая Надежда,
Съ тобою сладостнѣй Любовь!
Моимъ наставникомъ — будь Вѣра,
А утѣшенїемъ — Надежда,
Чтобъ жизнь мнѣ вся была Любовь!

* * *

Начало письма 4 Апрѣля.

Въ тотъ день когда самъ Богъ для щастья всѣхъ воскресъ,
Когда отъ всѣхъ сердецъ гласъ слышанъ до небесъ,
Съ сердечнымъ чувствомъ я колѣна преклоняю,
И Богу милости — въ душѣ моей взываю:
„Творецъ! — Ты въ этотъ день устроилъ радость вѣчну, —
„Собою искупивъ жизнь добрымъ безконечну; —
„Брось свой всевидящь взоръ, внутрь сердца моего,
„Измѣрь терпѣнїе и горести его!
„Страданїе сїе, какъ даръ твой принимаю,

„И вѣрю что себя, къ Тебѣ тѣмъ приближаю;
„Но дай хотя одну отраду мнѣ имѣть:—
„Чтобъ щастье моего Ореста вѣчно зрѣть;
„Чтобъ радость для него день каждый процвѣтала
„И сила Ангеловъ отъ злыхъ оберегала!
„Вотъ все о чемъ тебя въ Великій День прошу. —
„Исполни! — чтобы знать что я еще дышу.“ —

* * *

Подражаніе.

О ты! — назвать кого боюся,
Кого я буду вѣкъ любить!
О комъ, и въ храмѣ гдѣ молюся,
Стеная слезы буду лить!

*

Разстались мы разлукой вѣчной!
Неслышенъ голосъ милый твой,
Который мнѣ покой сердечной
Всегда въ душѣ сливалъ съ собой.

*

Съ нимъ радость сей души увяла!
Все щастье кончилось мое!
Я вмѣстѣ жить съ тобой престала,
Хотя влачу здѣсь бытіе.

*

Хотя сердечно я страдая
Должна еще воспоминать:
Что взоръ послѣдній твой блуждая
Не могъ и мнѣ *прости* сказать.

*

Что съ стономъ сердца не прижала
Тебя мой другъ! къ груди своей;

Въ послѣдній разъ не услыхала
Что я мила душѣ твоей.

*

О! мѣра тяжкая страданья!
Не ропщу Боже предъ тобой!
Ты знаешь все мое желанье,
Ты видишь каждый помыслъ мой!

* * *

На смерть прекраснѣйшей
N: N: Я. — . вой.

Ужъ мертва блѣдность заступила
Всю свѣжесть милаго лица!
Тотъ взоръ прелестный помутила,
Который влекъ къ себѣ сердца.
Ужъ купидонъ тоской сраженный,
На лукъ опершись опущенный,
Склонясь у ногъ ея сидѣлъ;

Стрѣлу въ низъ жаломъ обращенну
Забылъ! — и всю тогда вселенну
Въ потухшемъ взорѣ милой зрѣлъ.

*

Отдавъ преймущество прекрасной,
Давно предъ матерью своей;
И только ей одной подвластной,
Всегда былъ неразлученъ съ ней.
Теперь! — съ поникшей головою,
Съ унылой горестной душею
Взиралъ: — какъ тухъ небесный взоръ!
Взиралъ! — разсматривалъ, — боялся....
И въ ту минуту удивлялся
Въ ней видя прелестей соборъ.

*

Какъ вдругъ!... Атропа къ ней
подходитъ,
Принесши ножницы въ рукахъ;

Ужасный приступъ сей наводитъ
На сердце купидона страхъ.
Вскочивъ онъ къ паркѣ прибѣгаетъ
И съ горькимъ стономъ умоляетъ
Безцѣнной жизни нелишать.
„Ужель ты смертныхъ не жалѣешъ?
„Къ нимъ состраданья не имѣешъ?
„Ахъ! кто ихъ будетъ утѣшать?„ —

*

Но жалкимъ воплямъ не внимая
Ужасная богиня — симъ,
Сѣдой главою потрясая,
Орудьемъ дѣйствуетъ своимъ.
Венеринъ сынъ взоръ отвращая,
Ненужный лукъ съ стрѣлой бросая,
Въ отчаянной тоскѣ рыдалъ.
Изъ пальцовъ, розовымъ покровомъ
Закрывъ глаза въ страданьи новомъ,
Картины зрѣть той не желалъ.

*

Сама Атропа тутъ вздрогнула,
Жизнь столь прекраснѣйшей прервавъ.
Жалѣвъ о смертныхъ воздохнула,
Отраду ихъ на вѣкъ отнявъ.
Увы! чтожъ чуствуетъ нещастной —
Которой только въ сей прекрасной
Все благо жизни полагалъ?
Его тотъ только понимаетъ
Подобну горесть кто питаетъ,
Кто *всё* въ семъ мірѣ потерялъ.

* * *

Элитафія ей же.

Невинна на земли! — невинна въ небесахъ!
Гдѣ Богъ, тамъ міръ ее, — а здѣсь онъ былъ въ сердцахъ;

Въ нихъ ей воздвигнуты надгробны мавзолеи,
А вѣчность ей дала, вѣтвь бѣлыя лилеи.

* * *

ЭПИТАФІИ.

Володинькѣ.

Духъ Ангельскій его здѣсь жить не захотѣлъ!
Отъ Бога посланъ былъ — и къ Богу отлетѣлъ.

* * *

Настинькѣ и Володинькѣ.

Въ селеньи Вышняго — парятъ тамъ брать съ сестрою;
Съ улыбкой Ангеловъ, держась рука съ рукою,

Чтобы молить всякъ часъ Великаго Творца,
Помиловать отъ бѣдъ, и мать ихъ и отца.

* * *

Надгробныя Князю Львову.

Первая вырѣзана на его гробѣ, гдѣ изображены: Религія и Любовь.

1.

Сей памятникъ тебѣ жена сооружила. —
Почіетъ съ миромъ здѣсь любезнѣйшій твой прахъ!
Отца твово, родныхъ съ тобой не разлучила;
Сама осталася лишь съ горестью въ слезахъ.

2.

Религія, Любовь, — сей камень охраняютъ
И къ вѣчности тебѣ, путь вѣрный отворяютъ.

* * *

Б: С. . . . . му.

Я щастье здѣсь свое на вѣки заключила!
Кто добръ и нѣженъ былъ, — кого душей любила,
Того безцѣнный прахъ подъ камнемъ симъ сокрытъ.
Стонъ сиротъ, стонъ жены, Его не пробудитъ.

* * *

Эпитафія Воину.

Не дологъ, но хорошъ его былъ
здѣшній вѣкъ.
Онъ храбрый былъ солдатъ — и до-
брой человѣкъ!

* * *

Разговоръ воина съ смертію.

Смерть.

Спрашись! — я жизнь твою въ ми-
нуту окончаю.

Воинъ.

Страшиться мнѣ? — я Россъ! я
ужасовъ незнаю;
Ударъ же твой принять во всякой
часъ готовъ.
Но знай: я не умру, хотя застынетъ
кровь,
Хоть сердце нѣжное навѣки охладѣетъ,
Все жизнь моя совсѣмъ ни какъ не
оскудѣетъ.

Смерть.

Нещастный! — Смѣешь ли передо-
мной гордиться?
Когда я поражу, чѣмъ жизнь твоя
продлится?
Кто можетъ мой ударъ вѣрнѣйшій от-
разить?

Воинъ.

То сердце въ коемъ я по смерти
буду жить.
Кто милую свою въ семъ мірѣ оста-
вляетъ,
Тотъ смерть ужасную принявъ, не
умираетъ. —
Забудетъ ли она что защищалъ ее,
Что въ ней я полагалъ все щастіе свое?
Ахъ! нѣтъ, я чувствую, меня не поза-
будутъ
И слезы нѣжности по мнѣ пролиты
будутъ.

Изъ лавровъ, мирть и розъ, — вѣ-
ночекъ мнѣ совьютъ,
И сердце трауромъ на долго обовьютъ.
Рази! — я зрю тебя — и сердце все
не ноетъ!
Мнѣ слава и любовь къ безсмертью
путь откроютъ.

* * *

Трїолетъ

Машѣ въ день ея Ангела.

Будь щастлива, мой другъ!
Отъ сердца я желаю.
И нынѣче — и всегда въ душѣ то повторяю:
Будь щастлива мой другъ! —
Пусть для тебя любовь не знаетъ недосугъ.
Въ моей же я любви тебя тѣмъ увѣряю,
Будь щастлива мой другъ —
Отъ сердца я желаю.

* * *

Двумъ имянинницамъ

17 Сентября.

Неэнавши чѣмъ въ сей день васъ
милые дарить,
Я сердце бы свое желала раздѣлить,
Чтобы вамъ всякой день, оно напо-
минало,
Какъ щастья на всю жизнь, сей часъ
вамъ пожелала. —

* * *

На день рожденія

О Я* Е . . . . ой,*
февраля 10.

Я чувства всѣ свои сегодня призывала; —
Послушайте меня, друзья мои! — сказала:
Сегодня женщины прекраснѣйшей рожденье,
Ея здѣсь нѣтъ! — но я пошлю ей поздравленье.
Узналиль вы теперъ, о комъ я говорю?
Я *нѣжности*, за всѣхъ васъ отвѣчать велю:
„О доброй матери, — семьѣ своей отрадѣ
„Ты говорила намъ? — о милой Олимпьадѣ?
„Моглаль подумать ты, что мы не отгадаемъ

„Знавъ прежде какъ ее мы много
почитаемъ?
„Скажи еще, за чѣмъ велѣла насъ
позвать?
„Мы ради всѣ твои желанья испол-
нять.“ —
Кто могъ услугу чувствъ во зло упо-
требить,
Не можетъ тотъ ни какъ совѣтовъ
ихъ просить.
Я съ вами же всегда на противъ по-
ступаю;
И такъ отъ васъ однѣхъ совѣта ожидаю.
Желалабъ очень я подарочекъ послать,
Чтобъ больше тѣмъ мое усердье до-
казать;
Но вотъ моя бѣда, — его я не имѣю. . . .
Тутъ подошла *Любовь*: — „Когда ска-
зать я смѣю,
„*Разсудокъ* долженъ всѣмъ совѣты по-
давать,

„Мое же дѣло есть — лишь сердцемъ
управлять;
„Теперь же я прошу его, мнѣ усту-
пить,
„Чтобъ вмѣстѣ намъ въ сей разъ те-
бѣ полезнѣй быть.
„И такъ совѣтую — стихи лишь на
писать,
„А *Нѣжность* и меня, заставить ди-
ктовать.
„*Почтеньюжъ* подписать — а *дружбѣ*
заключить;
„Изъ насъ же, кто нибудь, курьеромъ
можетъ быть." —
Любовь! я твой совѣтъ душевно при-
нимаю,
Тебяжъ съ *Преданностью* послами на-
значаю;
Стихи мои вручить и съ ними по-
здравленье,

Съ желаньемъ чтобъ была здорова,
въ утѣшенье
Роднымъ — и каждому кто только ее
знаетъ;
Кто видѣлъ ее разъ, тотъ вѣчно по-
читаетъ.
А я съ *Надеждою* здѣсь буду ожидать,
Что съ благосклонностью васъ будутъ
принимать.

* * *

Ртищеву,

На совѣтъ: прочитавъ Волтерово описанїе природы, описать садъ его.

Чтобы изобразить сердечныя намъ чувства,
Не нужно здѣсь вводить чужихъ умовъ искуства.
Что внутрь души нашелъ, то въ рифму положи,
Лишь только нѣжностью свои стихи вяжи.
Не ладится ни что! — я въ томъ невиновата;
Грамматика сердецъ словами не богата;
Къ томужъ, малиновка не ходитъ занимать
Напѣвы соловья, чтобъ слухи восхищать;

А такъ же какъ и онъ въ кусточкѣ попѣваетъ
И ту же самую природу прославляетъ.
Къ чему же мнѣ теперь, чужой слогъ прибирать,
Чтобъ истинну души красивѣй описать?
И садъ мнѣ твой сравнить съ Едемомъ Олимпійскимъ,
Стараясь подражать напѣвамъ всѣмъ витійскимъ.
Гдѣ вкусъ и разумъ твой съ природою сливался.
Не только я, кто вѣкъ стихами занимался,
Прекраснѣе садъ твой не можетъ описать,
Какъ только отъ души *твоимъ* его назвать. —

* * *

Дядюшкѣ Н Е* Ш . . . . . му, когда мы были маскированы невольницами и бросили къ ногамъ его цѣпи.*

Мы цѣпь къ твоимъ ногамъ невольно повергаемъ,
Приверженность свою чрезъ то къ тебѣ являемъ.
Легчайшую ты цѣпь умѣлъ для насъ избрать,
Сердца чтобы къ себѣ на вѣки приковать.
Любя насъ какъ отецъ, — въ нещастьи утѣшая —
И радости свои всѣ съ нами раздѣляя,
Какъ можемъ мы за то неблагодарны быть
И меньше нежели душой, тебя любить?

* * *

Гр . . рію Ѳ . . . чу Кв . кѣ,
отвѣтъ на его стихи 17 Сентября.

Благодарю тебя, мой милой добрый другъ! —
Щастливой женщины, предъ-будущій супругъ! —
Благодарю тебя за все что мнѣ желаешъ; —
Но жаль что лично ты меня не поздравляешъ.
Въ тебѣ я думала увидѣть всѣхъ родныхъ,
Твой взоръ бы уменьшилъ тоску мою по нихъ! —
А будто какъ на то, какой же былъ пирогъ!
Хотя Григорій же намъ ѣсть его помогъ,
Хошь былъ тутъ и Иванъ, Василій и Эразмъ,

И многїе еще, манятъ мой нынче глазъ,
Для сердцажъ ни кого! — Одна моя Лизета
Была Эгидой мнѣ противу лести свѣта.
Другъ милый! — Ты за что меня такъ разхвалилъ?
За что въ число меня добрѣйшихъ помѣстилъ?
Ахъ! много уже лѣтъ я въ жизни проводила,
Но доброе творить себя не научила!
Добро ли то еще, что я добро люблю?
Межъ тѣмъ я безъ него часы свои гублю.
Добро ли, что тебя найлучшимъ почитаю,
Однако же въ добрѣ тебѣ не подражаю. —
Тебя — тебя хвалить ....но гдѣ сыщу я словъ?
Молчу — и чту тебя. — Твоя сестра *Любовь*.

* * *

Акростихъ

моему другу и брату.

Отъ сердца этотъ стихъ тебѣ я посвящаю.
Разсматривай! — тобой я оный украшаю;
Его къ тебѣ любовь и дружба посылаетъ,
Съ которыми всегда мой голосъ повторяетъ:
Ты все то, что меня въ семъ мірѣ занимаетъ. —

* * *

Маминькѣ

въ день ея Ангела.

О Маминька мой другъ! — душой
васъ поздравляю;
И что желаю вамъ, - хотяжъ себѣ желаю,
Но сердца не могу я въ этотъ день
унять,
Избытка чувствъ его въ стихахъ не-
разсказать.
Ахъ! будьте маминька, здоровы и по-
койны
Для щастья моего; вы будьте мной
довольны.
Желанья добрыя Богъ скоро исполняетъ;
Моя же нѣжность къ вамъ, Его такъ
умоляетъ:
Дай Богъ чтобъ вы могли когда ни
будь сказать,
Что я умѣла вамъ преданность до-
казать! —

* * *

На ополченіе 1812 года.

Что быстро въ воздухѣ несется?
Что громко въ сердцѣ отдается?
Кому внимаютъ всѣ оставя миръ, забавы?
Молвѣ, парящей къ намъ; — неся въ рукѣ щитъ славы,
Любовь къ отечеству, прямое благородство;
Въ другой неся плачь женъ, оставленныхъ сиротство.
И я сидя въ углѣ, съ слезами ей внимаю,
Всѣмъ лучшимъ: дружбою, ей жертвовать желаю.
Немогши въ руки взять, вмѣсто иголки шпаги,
Чтобъ сердце облегчить, беру я листъ бумаги.

Ужасный правды другъ! — тебѣ ли
побѣдить,
Что Вѣра и Любовь старались ополчить?
Кого ведетъ на брань Надежда съ упованьемъ,
А вслѣдъ летятъ сердца съ чистѣйшимъ симъ желаньемъ:
Чтобъ не оставилъ ихъ въ селенїи Творецъ,
Богъ мїра, Богъ земли, — премудрый нашъ Отецъ.
Сражайтесь! Онъ всегда невинныхъ охраняетъ;
Не васъ, такъ вашихъ чадъ наградой увѣнчаетъ.
Молитвы каждой часъ, мы будемъ возносить:
Побѣды безъ меча — и мира вамъ просить.

* * *

Хрущову.

Напрасно, Гриша, ты страдаешь!
Сей свѣтъ, мой другъ! всегда таковъ,
Что тамъ презрѣнїе встрѣчаешь,
Гдѣ жаркая была любовь. —
На перекоръ судьбѣ, намъ должно
Любезность въ томъ лишь находить,
Кого лишь чуть терпѣть возможно,
И кто хоть пересталъ любить,
Не больно сердцу, грудь не ноетъ,
Не нужно рокъ намъ проклинать;
И чтобъ себя намъ успокоить,
Побольше стоитъ хохотать.
Кто душу нѣжную имѣетъ,
Слыветъ тотъ въ свѣтѣ чудакомъ;
А сердцемъ нашимъ кто владѣетъ,
Тотъ вѣчно чтитъ насъ дуракомъ! —

* * *

Еще начало письма.

Давно мое перо, давно ты не писало!
Неуштo ли тебѣ предмѣтовъ недостало?
Иль можешъ отъ того, что зимнею порой
Мнѣ рѣдко время есть, заняться чтобъ тобой?
Хотьъ чувствъ и мыслей жаръ зимой не замерзаетъ,
Но какъ то живость вся въ природѣ увядаетъ.
Теперь же когда все съ весною вновь цвѣтетъ,
Когда и соловей на вѣточкѣ поетъ,
Мы будемъ пѣть съ тобой, мы будемъ говорить.
Весной пріятнѣе въ стихахъ друзей любить,

Почтенныхъ почитать — а умнымъ
удивляться,
Всѣмъ добрымъ съ радостью, съ во-
сторгомъ заниматься,
Всѣмъ добрымъ — и тобой почтенный
другъ людей,
Мой милый дядинька! — тебѣ въ ду-
шѣ моей
Любовь съ почтеніемъ, стихами я
слагаю;
И здѣсь поверхность ихъ списать пе-
ромъ желаю.

* * *

Днѣпръ.

25 Маія, вечеръ

Съ унынїемъ въ душѣ на столъ облокотясь,
Смотря на шумной Днѣпръ, я думаю о васъ, —
О васъ, любезные! — съ кѣмъ сердце бъ быть хотѣло,
Съ кѣмъ горесть, радости дѣлить оно умѣло.
По васъ, подъ шумъ Днѣпра по васъ теперь грущу,
Прошедшихъ радостей въ душѣ моей ищу;
Прошедшихъ радостей? — Нѣтъ! мѣсяцъ освѣщаетъ
Теперь шумящїй Днѣпръ, и въ безднѣ водъ играетъ
Его пріятной лучь! — На что жъ мнѣ говорить

И щастïе свое протедшимъ находить?
Кто вами, милые! все сердце наполняетъ,
Тотъ многихъ радостей въ семъ мïрѣ ожидаетъ.
Не только подлѣ васъ — и здѣсь, среди степей,
Гдѣ камень и въ землѣ — и въ сердцѣ у людей, —
И здѣсь, — когда объ васъ, родные! вспоминаю,
И скуку, и тоску, и грусть позабываю.
Ахъ! вы есть у меня, — есть съ добрыми и Богъ! —
А кто любивши васъ, душой не добръ быть могъ?
И такъ, — хоть скучно мнѣ — хоть грусно и безъ васъ,
Но все — все то легко, — мнѣ грусно лишь по васъ!

* * *

Къ пучку незабудочекъ,
посланныхъ моимъ друзьямъ.

Я дружбою вяжу прекрасный сей букетъ,
И дружбѣ же его отъ сердца посвящаю.
Такъ въ мысляхъ у меня для васъ раздѣла нѣтъ;
Такъ связанныхъ я васъ и въ сердцѣ помѣщаю.

* * *

Бѣлой листочекъ бумаги.

Одинъ писатель разсуждалъ:
„Младенца сердце — онъ писалъ —
„Есть бѣлинькой листокъ бумаги.
И такъ — кто хочетъ для отваги
Сомной и съ нимъ поспорить въ томъ? —
Я неберусь играть умомъ,
Но такъ про это разсуждаю,
И вотъ чемъ доказать желаю:
Что тотъ писатель не солгалъ,
Онъ точно истинну сказалъ.
Ахъ, правда! — что чистѣе сердца,
Во всемъ невиннаго младенца?
Пока судьба не разписнетъ
И буквъ перомъ не проведетъ;
Перомъ починеннымъ страстями,
Большими чоткими словами
На бѣломъ томъ листѣ: „Люблю!
„Покой на вѣки изстреблю!„ —

Судьбѣ лишь трудно разписатся,
А то не трудно унимать ся; —
Она въ томъ точная есть я.
Стихи писать есть страсть моя! —
Но въ томъ несходны мы съ судьбою,
Что часъ толкуясь съ головою,
На силу рифму приберу;
Такъ можно отдохнуть перу.
Судьбы жъ перо не отдыхаетъ,
Она всего насобираетъ,
Чтобъ весь листочекъ исписать;
И такъ умѣетъ расчитать,
Тебѣ порядочно разставить
И жалость — нѣжность, — неоставитъ
И горесть — ревность помѣстить;
И все что чувствомъ можетъ быть.
Подъ старость такъ листъ измараетъ,
Что врядли кто и прочитаетъ.
И время быстро убѣгая
По части съ книгъ судебъ стирая

Для жизни данный намъ предѣлъ,
Сотретъ: *умри!* хоть не хотѣлъ.
И время буквъ тѣхъ не стираетъ,
Судьба какія начертаетъ
Черниломъ чернымъ на сердцахъ;
Тому такъ быть. Я въ сихъ словахъ
Свое писанье заключаю,
Понравится-ль кому? — *не знаю.* —

* * *

Отвѣтъ на слово: люблю,

Написанное въ письмѣ моего знакомаго.

Я очень *не люблю*
Встрѣчать вездѣ *люблю,*
Что значитъ *не люблю,*
А пишется *люблю.*
Я такъ же *не люблю,*
Кто говоритъ — *люблю,*
Но мыслитъ *не люблю.*
Тѣмъ всякое *люблю,*
Есть то, что *не люблю.*
А я, — хоть и *люблю,*
Но будто *не люблю;*
И молча лишь *люблю.*
Хоть очень *не люблю*
Скрывать свое *люблю,*
Подъ мрачнымъ *не люблю.*
Что лучше есть *люблю?*
Что хуже *не люблю?* —

* * *

Въ Альбомы.

Милой.

Ты мнѣ велѣла, другъ прекрасной!
Во кругъ себя все замѣчать;
Чтобъ послѣ все въ картинѣ ясной,
Поромъ, стихами описать.
Нѣтъ! бывши, милая! съ тобою,
Возможноль чемъ себя занять?
Какъ только лишь тобой одною.
Тебяжъ нѣтъ силъ мнѣ описать;
Одно замѣчу: кто желаетъ
Во всемъ пріятное найтить,
Пускай тотъ средства избираетъ
Съ тобой какъ можно чаще быть.

* * *

Лизѣ.

Не случай правитъ здѣсь рукою,
Но сердце оной говоритъ.
Въ согласьи тѣсномъ бывъ съ душою,
„*Люблю тебя*“ писать велитъ. —

* * *

Въ ея же Альбомѣ, на томъ листочкѣ гдѣ писали Орестъ и Софія.

Гдѣ Сафо, гдѣ Орестъ, Любовь тамъ быть должна;
Позволь же, Лизанька! чтобы и здѣсь она,
„*Люблю тебя*“ свое сердечно начертала,
Желаю чтобы ты, мой милый другъ! встрѣчала
Съ улыбкой каждый день, какъ здѣсь три сердца въ рядъ,
Для коихъ былъ бы *всё*, твой милый, нѣжный взглядъ.

* * *

Е.....ѣ Н....ѣ Кв..... й.

Два чувства разные то сердце наполняютъ,
Кому ты право дашь, въ Альбомъ свой написать.
Одно — стремительно то доказать желаетъ;
Что милый образъ твой рожденъ обворожать;
Что ты имѣешь даръ, однимъ пріятнымъ словомъ
Дать силу *милаго*, въ семъ мірѣ испытать.
Безъ чванства, искреннымъ — любезнымъ разговоромъ,
Умѣешь всѣ сердца навѣки привлекать.
Другое жъ чувство есть — душевно сожалѣнье,
Что вдругъ нельзя всего что хочешь изъяснить;

Не льзя сказать того въ одно сїе
мгновенье,
Что буду вѣкъ тебѣ дивиться и лю-
бить. —

* * *

Моей Софинькѣ

О Софинька! мой другъ прелестный!
Послушай что хочу сказать:
Обычай есть у насъ извѣстный,
Въ альбомъ листочки отсылать.
Списать на ономъ чувство нѣжно,
Дать клятву вѣчно другомъ быть;
Списать любовь свою прилѣжно,
Чрезъ годъ, — объ ней со всѣмъ забыть.
Хоть правда, иногда бываетъ
Что водитъ истинна перомъ ,
Но все ту истинну сметаетъ,
Съ неправдой каждой нашъ Альбомъ! —

Кто такъ какъ я любить умѣетъ,
Не чтитъ за вѣрность то писать;
Но только искренно жалѣетъ,
Что онъ не можетъ отослать
Свое такъ сердце — какъ листочекъ!

На немъ безъ красныхъ, многихъ словъ,
Читалъ бы милый мой дружечекъ
Мою вѣрнѣйшую любовь.
Увидѣлъ бы — какъ я желаю,
Какъ другъ всегда его любить;
Нашелъ бы — сколько я питаю
Надежды — имъ любима быть.
Нашелъ бы — какъ я восхищаюсь
Зрѣвъ щастье вѣрное его;
Какъ я любуюсь — удивляюсь
Добротѣ друга моего.
Какъ все мнѣ кажется въ немъ мило!
Безпечность, рѣзвость лѣтъ младыхъ,
Отъ вѣка что оттѣнкой было
Сердецъ невинныхъ лишь однихъ! —
Но есть ли то, чего не можетъ
На сердцѣ нашемъ другъ читать;
Его участье намъ поможетъ,
Лишь нѣжность чувствъ предъ нимъ являть.

Но ты — то безъ Альбома знаешь,
О Сафо милая моя! —
На сердцѣ ты моемъ читаешь,
Что вѣчно, вѣчно другъ твой я!

* * *

Варварѣ Ка . . . . Гавриленковой

Акростихъ.

Веселость милая твоя всѣхъ восхищаетъ;
А искренность даетъ ей больше красоты.
Разчотливость ума, въ ней вѣсу не теряетъ,
Я въ ней нашла лишь смѣсь — разсудка, доброты.

* * *

Ей же.

Альбомъ есть памятникъ, которому ввѣряютъ
Что въ сердцѣ мы хранимъ; яснѣе толковать:
Его посредникомъ не рѣдко избираютъ,
Всю нѣжность нашихъ чувствъ вѣрнѣе передать.
Чертитъ въ немъ имена съ той цѣлью, чтобъ въ часъ скуки
Искавъ разсѣянья, — Альбомъ сей взявши въ руки,
Встрѣчавъ вездѣ — *люблю*, — имъ душу заняла;
И тѣхъ кто написалъ, на память привела. —

* * *

Е М* Шли — . й.*

Прїятно для меня при первой
вспрѣчѣ съ вами,
Въ Альбомѣ мѣсто взять, межъ вашими
друзьями.
Прїятнѣе еще всѣ способы найтить,
На сердце ваше мнѣ, тѣжъ права по-
лучить. —

* * *

М М* Кле . . й.*

И вы хотите здѣсь мой стихъ
простой имѣть? —
Я вамъ отказывать ни какъ бы не
посмѣла,
Когда бы такъ легко стихи писать
умѣла,
Какъ вамъ легко себя, заставить всѣмъ
любить.

* * *

Полевому колокольчику.

Цвѣточекъ милинькой! ты мнѣ напоминаешъ,
Прекрасной тотъ цвѣтокъ, что *онъ* мнѣ подарилъ.
Минуту славную въ душѣ ты представляешь,
Срывая мнѣ его — какъ былъ тогда онъ милъ! —

* * *

Отвѣтъ на стихи

Машѣ и Вѣрѣ.

Друзья мои! — давно въ долгу я вамъ
стихами;
Однакожъ этому причиною вы сами.
Не правды шьму списавъ, — хотите
чтобы я
Не сердилась на васъ? — и такъ рука моя
Съ душою согласясь, не много подо-
ждала,
Пока и въ той на васъ, досада вся
пропала.
Теперь могу я — мести оставивши —
писать
И въ многомъ чемъ себя, предъ вами
оправдать.
Могу сказать что въ томъ солгали вы
безъ мѣры,
Что съ радостью летя онъ Машиньки
и Вѣры

Имѣла лишь въ виду собою чтобъ
плѣнить,
Безъ грусти бросивъ тѣхъ — кого
люблю любить,
Не ужли — милыя! — могли за-
быть въ тошъ часъ,
Какъ къ сердцу васъ свому прижавъ
въ послѣдній разъ,
Я въ сани бросилась, но руки къ вамъ
тянула,
И есть ли можно бы, себя бы обманула
Что вы не милы мнѣ, что васъ совсѣмъ
не жаль.
Нѣтъ — нѣтъ! — то истинно души
была печаль!
За грустью можетъ быть того вы
невидали,
Или для рифмы такъ безъ жалости
солгали.
Теперь пойду въ бюро — стихи
ваши искать,

Чтобъ можно было вамъ по пунктамъ
отвѣчать.
Открыла! — и альбомъ мнѣ въ руки
попадаетъ;
О милыя! — кто васъ при немъ не за-
бываетъ,
То надобно чшо бъ васъ тотъ всей ду-
шей любилъ.
Съ издавна мой Альбомъ, мнѣ очень,
очень милъ! . . . . .
Но въ сторону его; — стихи ваши сы-
скала;
„Какая критика!„ — читавши ихъ ска-
зала:
Воображенїе вамъ мало помогло,
И краски и цвѣты фальшивы вамъ
дало.
Такъ, милыя друзья! — вы сколько
ни писали,
Правдивѣе того въ стихахъ намъ не
сказали,

Что вы имѣете пребѣлые сердца;
Для истинной любви не нуженъ цвѣтъ лица!
Я такъ же и сама хоть много загорѣла,
Но сердце чистое всегда имѣла.
А васъ прошу по немъ, дручья мои! судить;
Оно привыкло васъ — небывъ съ вами — любить,
А бывши возлѣ васъ, то чувствовать умѣетъ,
Что больше отъ того, и бѣлый цвѣтъ имѣетъ.
Теперь конецъ. — Пора перо мнѣ оставлять
Простите, милыя дружечки! — вамъ сказать.
Писалабъ больше я, да ужъ бумаги нѣтъ,
И кажется зовутъ меня и за обѣдъ.

* * *

Покрытому краснымъ сукномъ столу, на которомъ Настинька пишетъ.

Судья за красный столъ садится
Писать свой строгій приговоръ;
Ему толпа глупцовъ дивится
Сплетая похвалы соборъ.
Незида такъ же начертаетъ,
Здѣсь приговоръ себя любитъ;
И всякъ съ восторгомъ исполняетъ,
Спѣша того достойнымъ быть. —

* * *

На заданные слова: Добродѣтель, — пріятность и нѣжность.

Добродѣтель.

Кто вникнетъ самъ въ себя, тотъ будетъ мой свидѣтель,
Что каждому изъ насъ любезна добродѣтель.
Что каждый ищетъ путь, коимъ бы къ ней итти,
Но рѣдко удалось кому его найти.
Кто истинной прямой себя не охраняетъ,
Тотъ вѣрно всѣ слѣды къ дорогѣ сей теряетъ.
Ктожъ правдѣ посвятилъ, свой каждый въ жизни шагъ,
Помощникъ бѣдности, притворства лестни врагъ,

Кто въ горѣ — для себя уроки извле-
каетъ,
Кто злому и врагамъ отъ всей души
прощаетъ,
Тотъ къ добродѣтели душь вѣрный
обрѣтетъ!
Тотъ даже и въ душѣ своей ее най-
детъ.
А съ нею въ жизни сей блаженства
достигаетъ,
И въ вѣчности всегда, награду полу-
чаетъ. —

* * *

Прїятность.

Прїятность можемъ мы вомногомъ
находить.
Прїятность первая, чтобъ искренно
любить;
По сердцу выбирать — прїятность въ
здѣшнемъ свѣтѣ;
У всякаго своя прїятность есть въ
предмѣтѣ.
Тотъ любитъ находить прїятность въ
выраженьи,
Того прїятность есть въ одномъ во-
ображеньи;
Иной въ умѣ — въ душѣ, — въ пре-
краснхъ тотъ глазахъ;
А этотъ можетъ быть нашелъ ее въ
слезахъ.
Нельзя прїятностей мнѣ каждаго явить;
Я даже не могу и тѣхъ изобразить,

Которы надо мной вліяніе имѣютъ,
И чувства покорить мои себѣ умѣютъ.
Такъ можноль описать, чтобъ было всѣмъ то внятно?
Пріятное мое, — другому не пріятно!

* * *

Нѣжность.

Я силу нѣжности конечно очень знаю;
И здѣсь ее легко съ своей души снимаю.
Удѣлъ ее — любовь отъ добрыхъ получать,
Обязанность же есть — имъ тѣмъ же отвѣчать;
Прямую нѣжность такъ всегда я понимала,
Душа та добрая — гдѣ нѣжность обитала.
Безъ нѣжности нельзя никакъ друзей имѣть;
Не можно безъ ее и дружбы разумѣть;
Не можно раздѣлять съ другимъ его печали,
И скорьбь не будетъ скорьбь, какой мы не видали.

Безъ нѣжности въ сердцахъ, намъ
только жаль себя.
А я отъ всей души, всегда людей
любя,
На мысли той себя давно остановила,
Что нѣжность всѣ мои нещастья
умягчила. —

* * *

Пѣсни.

1я

Подражаніе Французскому переводу.

Ты есть все то чего желаю;
Въ душѣ моей твои написанны черты.
Тобой только ее, въ печали облегчаю;
И все что я люблю, одинъ есть только ты! —

*

Ахъ! Естьли я еще когда нибудь имѣю
Прекраснѣйшіе дни, въ сей жизни для себя,
Для коихъ я себя единственно жалѣю,
То все — мой нѣжный другъ! — чрезъ одного тебя. —

*

И слезы горькіе что другъ твой
проливаетъ,
Нерѣдко отъ одной незбывшейся мечты;
Но кто скорѣе всѣхъ — совсѣмъ ихъ
осушаетъ
Своею нѣжностью? — Одинъ лишь
только ты! —

*

Кому такъ искренно всѣ чувства
повѣряю,
И въ комъ увѣренна я больше чемъ
въ себѣ?
Къ кому совѣтъ принять сердечный
прибѣгаю?
И ето милый другъ — лишь къ одно-
му тебѣ! —

*

Пріятно для меня о томъ воспоминанье,
Что только лишь твоей добрѣйшею душой,
Поддерживается мое существованье,
И радость для души, дается лишь тобой! —

*

И такъ — что въ жизни сей еще меня плѣняетъ,
И въ будущемъ сулитъ для сердца красоты?
Что сердцу моему отраду доставляетъ?
То эшо все — все есть, о другъ безцѣнный ты! —

* * *

2я

Такъ, Вѣринька, мой другъ!
Скачи, пляши, играй!
Свой пылкой, юный духъ
Тоской не помрачай. —

*

Катайся на саняхъ,
Пой пѣсни — и рѣзвись.
Води другихъ въ цѣпяхъ,
Люби — но не влюбись.

*

О другъ мой! все пройдетъ;
Жизнь снова не начнется!
И сердце — лишь замретъ —
Опять не развернется!

*

Гуляй, мой милый другъ!
Лишъ радости дѣли.
Хотьъ есть, хотьъ нѣтъ досугъ,
Пой Вѣринька: *люли!*

* * *

3я

Машѣ пѣсенку пою,
Мысль и сердце обращая;
Въ пѣснѣ душу я мою,
Передъ нею открывая,

*

Машѣ дать хочу урокъ:
Время не терять златаго;
Когда молодость длитъ рокъ,
Щастья въ томъ искать прямаго.

*

Чтобъ любя, любимой быть
Добрыми — безъ изключенья;
Всѣмъ стараться угодить,
Безъ притворства и значенья.

*

Маша! такъ ты жизнь веди,
Сердце доброе вмѣщая;
Къ щастью обрѣтешь слѣды,
И свободы не теряя. —

* * *

Отвѣтъ на пѣсню:

За что за то сердится: —

Я право не сержуся,
Что ты ко мнѣ не льнешь;
Но только лишь дивлюся,
Что не любя такъ лжешь:

*

Моглаль когда природа,
То чудо сотворить;
Чтобъ полъ вашъ четверть года,
Могъ нѣжность сохранить?

*

Ты лжешь, что и душею
Ко мнѣ былъ прилѣпленъ;
Пятью — а не другою,
Въ то время былъ плѣненъ.

*

Такъ можно ли сердится,
Что вѣрности въ васъ нѣтъ?
Всечасно кто бранится,
Чахотка нападетъ.

*

Здоровье зберегая,
Васъ надобно прощать;
Подъ часъ же научая;
Вамъ тѣмъ же отомщать.

* * *

Моему другу Анѣ Ши . . й.

Давно тебѣ я обѣщала
Стихи, другъ нѣжный! написать.
Давно, — но истинно не знала,
Въ стихахъ какъ сердце изливать?
Пишу — и слабо выраженье! —
Ахъ! даже что я говорю,
Лишъ малое, мой другъ! сравненье,
Какъ много я тебя люблю.
Нельзя вѣкъ щастьемъ наслаждаться,
Нельзя намъ сердца срисовать!
Такъ то, мой другъ! не можетъ статься,
Могла чтобъ нѣжность я списать.
Люблю въ тебѣ я все съ тобою,
Люблю, — хоть горести терплю;
Люблю и мыслить такъ съ собою:
Что чрезъ тебя, себя люблю.
Люблю въ тебѣ другъ милый! — чувство
Къ добру — и доброе творить;

Люблю въ тебѣ и то искуство,
Себя заставить всѣмъ любить.
Я мыслю: что мой Богъ конечно,
Чтобъ доброе мнѣ въ сердце влить,
И чтила чтобъ его сердечно,
Тебя назначилъ мнѣ любить.

* * *

Время.

„Что больше можетъ быть пріятно
„Любившимъ, какъ не вечерокъ?
„При немъ и сердце больше внятно;
„Любовь сильнѣй льетъ огонёкъ.
„Когдабъ желанье исполнялось,
„То былобъ первое то намъ,
„Чтобъ время днемъ скорѣе мчалось,
„Оставя мѣсто вечерамъ!„ —
Вотъ такъ недавно говорили,
Любезные мои друзья.
Одинъ лишь вечеръ разхвалили;
Тогда въ ихъ рѣчь вступила я:
„Тому кто съ милымъ, кто доволенъ,
Тому и день пріятенъ, милъ;
А кто судьбой убитъ, неволенъ,
Тому и вечерокъ постылъ! —
Ахъ! правда, вечерокъ милѣе
Для тѣхъ, кто въ радости живетъ;
При немъ восторги всѣ живѣе,

Все въ двое чувствовать даетъ.
Когдабъ меня судьба спросила:
Какое время продолжить?
Я вѣрно эдакъ бы рѣшила:
„Ахъ! то, что съ милымъ буду жить.“

* * *

Благодарность.

Могуль когда нибудь я лутче въ
жизни быть,
Твою коль похвалу умѣла заслужить.

* * *

Еще лѣсня.

Скрѣпись, скрѣпись ретивое сердце!
Вмѣсти въ себѣ злую грусть мою.
Слезы не лейтесь, — и вздохъ не лети.
Слезы не умалятъ тяжелую грусть,
Вздохъ не убавитъ кручины моей;
Люди лишь узнаютъ что милаго жаль.
Люди не судятъ по сердцу другихъ,
Люди лишь судятъ по мыслямъ своимъ.
То имъ не больно, чшо рвется другой,
То имъ не горе, что ихъ не крушитъ.
Умолкни же сердце! — кому пожалѣть?
Ѣдный на свѣтѣ, недолженъ любишь! ! —

* * *

На игру на гитарѣ

Егора Я. Тихоцкаго.

Когда игры твоей я не слыхала,
То бисословіемъ щитала,
Что будто бы Орфей, пріятною игрой
И камни и лѣса разтрогивалъ собой.
Чувствительность, любовь въ себѣ тѣ
ощущали,
Которы изрѣдка игрѣ его внимали.
Когда же онъ какъ ты, въ игрѣ тужъ
нѣжность взялъ,
То мало древній міръ Орфея про-
славлялъ!

* * *

Моей Машѣ тоже на игру на гитарѣ.

Играй — тебѣ дано искуство
Игрой своей обворожать;
Пріятно нѣжить наше чувство
И на сердцахъ аккорды брать.
Тебѣ тотъ только не внимаетъ,
Кто чувствъ души не понимаетъ,
Безъ сердца въ мірѣ семъ живетъ;
Ктожъ любитъ добрымъ быть на свѣтѣ,
Имѣетъ милое въ предмѣтѣ,
Въ твоей игрѣ тотъ все найдетъ.

* * *

Мацневу.

Три года, я тебя незнавши, очень
знала.
Три года, отъ души всегда себѣ желала,
Чтобъ встрѣтившись съ тобой, могла
тебѣ сказать:
Что я тебя давно, привыкла почитать;
Желала, — и теперь желанье испол-
няю.
Но бывъ признательна — и здѣсь я по-
вторяю:
Кто любитъ умъ, добро во взорахъ
познавать,
Какъ нужно для того, тебя уви-
дѣвъ — знать.

* * *

Разговоръ сердца съ любовью.

Сердце.

Довольно — а не разберу
Не знаю отъ чего тоскую?
Не знаю отъ чего грущу?

Любовь.

Я въ мигъ причину отыщу.
Со мной было поменьше знатся,
А съ милымъ . . . . . не встрѣчатся;
Давно спокойствія онъ воръ.

Сердце.

А ты съ нимъ здѣлавъ заговоръ,
За чемъ меня не упредила?
И мнѣ въ удѣлъ опредѣлила,
Его не равнодушно знать.

Любовь.

Меня ли можно въ томъ пенять?
Одна ли ты то ощущаешь? —

Такъ видно ты еще не знаешь,
Какъ властенъ надъ сердцами онъ?
Сама я ставлю за законъ,
Въ томъ сердцѣ тотчасъ поселятся,
Кому удастся съ нимъ видатся.
А ты гдѣ можешь силы взять,
Свое спокойство охранять?

Сердце.

Нѣтъ! нѣтъ! — покою не жалѣю
Когда тебя въ себѣ имѣю.
Согласна! мною обладай;
Его съ собой лишь мнѣ отдай!

* * *

Прости.

Прости любимая сторонка навсегда!
Хоть было мнѣ въ тебѣ и грусно иногда,
И часто я о чемъ поплакать находила,
Но многое въ тебѣ отъ сердца я любила.

*

Прости! — О чтимая душою Коренная (*)!
Кто знаетъ, будешь ли ты для меня другая?
Ецель удастся мнѣ хоть разъ тѣхъ повстрѣчать,
Кого я всякой день могла въ тебѣ видать?

*

(*) Коренная ярмонка.

Прости пріятная почтовая дорога!
Объѣздя цѣлый міръ такихъ какъ ты,
не много;
Мнѣ больше по тебѣ, къ веселью не
лѣтать,
И взявъ его съ собой, назадъ не по-
спѣшать.

*

Прости! — прости и то что серд-
цу такъ польстило,
Казавши что меня не много, но лю-
било! —
Судьбы что дали намъ, то надобно
нести;
Желалабъ не сказать, но должно . . . .
такъ прости! —

* * *

Пріятнымъ днямъ въ моей жизни.

Далеки отъ меня тѣ несравненны дни,
Минуты кои я съ біеньемъ сердца числя,
И въ нихъ только однѣхъ, весь вѣкъ свой видѣть мысля,
Не знала что смѣнятъ ихъ горести однѣ.
Что есть тебя быстрѣй, пріятнѣйшее время?
Хоть щастье часто ты стремишься поглотить,
Но въ сердце намъ тебя не можетъ замѣнить
Ни даже куча золъ — и горестей всѣхъ бремя. —

* * *

Отвѣтъ на стихи моему другу.

На что желать тебѣ перомъ изображать,
Кто можетъ такъ какъ ты, по сердцу мнѣ писать; —
И я когда пишу тебѣ своей рукою,
Не рифмъ однѣхъ ищу, а сходства лишь съ душою.
И такъ скажу и я тебѣ: — люблю, люблю! —
Повѣрь, что чувствъ я сихъ во вѣкъ не истреблю.

* * *

Незабвенной недѣлѣ.

О Боже! сколь Ты благъ, когда намъ посылаешь
Въ одной недѣлѣ, все блаженство жизни сей!
Могуль не чувствовать, когда Ты озаряешь
Прямою радостью, дни горести моей?
Могуль забыть когда, то время драгоцѣнно,
Недѣлю милую для сердца моего?
Ахъ! сколько буду жить, оно есть незабвенно!
Вся жизнь пріятна мнѣ, лишь только чрезъ *него*! —

* * *

Вздохъ моего сердца.

О дружба, искренность— священны!
Прямое щастье всѣхъ сердецъ!
Вы были на земли безцѣнны,
Въ васъ радость всю вмѣстилъ Творецъ!
Ахъ! съ вами люди не страдали,
Великость Бога познавали;
Другъ — былъ Его щедроты даръ!
Былъ кроткій нашъ благотворитель
И въ скорби нѣжный утѣшитель;
Ударъ нашъ былъ — его ударъ! —

*

О дружба, искренность — священны,
Теперь со всѣмъ не знаюпъ васъ!
Названья ваши не забвенны
Однѣ осталися для насъ.
Мы нынѣче друга повстрѣчаемъ,
Ему жизнь нашу посвящаемъ,
Его клянемся вѣкъ любить. . . . . .

Вдругъ видимъ друга помилѣе,
Иль побогаче — иль живѣе,
Пора о прежнемъ позабыть! —

*

Такъ истинно и справедливо,
Что Коцебу намъ описалъ;
И въ сей картинѣ очень живо,
Людскіе связи показалъ:
„Ихъ ниткою судьба вязала,
„И прихоть часто разрывала,
„Или приличія законъ. —
„И тамъ — гдѣ сердце трепетало,
„Когда любезнаго встрѣчало,
„И тамъ — холодный лишь поклонъ!„

*

Мы строимъ башни и ограды,
Не падающія сто лѣтъ;
Но чувствамъ нашимъ нѣтъ преграды,
И нами правитъ вѣчно свѣтъ.

Мы любимъ то что только ново
Что льстишь намъ каждый часъ готово;
За насъ же жизнь кто не щадилъ,
Кто истинѣ насъ научитъ,
Желанья наши упреждаетъ,
Тотъ можетъ ли быть долго милъ?!

*

О дружба, искренность — священны!
Гдѣ можно васъ теперь найтить?
Гдѣ тѣ сердца нелицемѣрны,
Могли бы вы въ которыхъ жить?
Своей свѣтъ волѣ покорился
И такъ теперь ожесточился,
Что чувства стали всѣ обманъ;
И то что жизнь намъ украшало,
Что намъ блаженство доставляло,
Любовь и дружба есть — *романъ!*

* * *

Раскаянье.

О дружба, искренность — священны!
Простите *вздохъ сердечный* мой,
Упреки вамъ произнесенны,
Моей унылою душой.
Простите — винна передъ вами!
Теперь — и сердцемъ и словами
Сїе готова доказать.
Что нѣтъ васъ — въ мысляхъ я щи-
тала,
Но вдругъ ошибку въ томъ познала,
Узнала гдѣ васъ отыскать.

*

Вы лутчее созданье Бога!
Въ сердца Онъ тѣ васъ поселилъ,
Гдѣ Своего престолъ чертога,
Прямой любовью утвердилъ.
Въ отраду всѣхъ людскихъ страданій,
Въ замѣну тяжкихъ ожиданій

Вы образъ тамъ являя свой,
Со щастьемъ каждаго мирите;
Его за скорби наградите
Своимъ участьемъ — иль слезой.

*

И мнѣ — хоть я васъ упрекала!
Себя не запретили знать;
Я васъ изъ мїра изгоняла,
Но вы — въ противномъ увѣрять
Меня лишь нѣжностью хотѣли;
И чувствую что въ томъ успѣли!
Я вижу — правдой озарясь —
Явилась Дружба не измѣнна,
И Искренность не лицемѣрна,
Въ прелестномъ видѣ поселясь.

*

О дружба, искренность — священны
Внемлите сердца вы обѣтъ:

Что души вами просвѣщенны
Моей составятъ жизни свѣтъ!
Клянусь искать васъ — вамъ ввѣрятся,
Вамъ въ слѣдъ итти, о томъ стараться
За васъ спокойства не щадить.
Того кто васъ въ себѣ имѣетъ,
Кто вами управлять умѣетъ,
Того клянусь — душой клянусь любить!

* * *

На стѣнѣ въ Катиной комнатѣ.

Здѣсь дружба, искренность прибѣ-
жище имѣютъ;
Здѣсь часто даже мысль и взоры ра-
зумѣютъ. —
Коль удовольствїе опять сюда прїй-
детъ, —
Пусть Катинька хоть разъ меня здѣсь
вспомянетъ.

* * *

Къ рамѣ безъ картины.

Картина не ума и тонкаго искусства,
Картина самаго, пріятнаго въ насъ чувства;
Смотрѣвши на нее — что хочешъ воображай;
И милое глазамъ и сердцу — представляй. —

* * *

Любовь.

О юность милая! — цвѣтъ жизни,
время щастья!
Въ тебѣ для сердца нѣтъ — ни бури,
ни ненастья.
Довѣренность ко всѣмъ, — смотрѣвши
всѣмъ въ глаза,
Любовь являетъ намъ, улыбка и слеза. —
Любовь! — О коль сїе необозримо чув-
ство!
Какой возможетъ умъ, старанье и
искуство,
Дать вѣрный на словахъ любови пе-
реводъ?
Сколь слабымъ бы нашли мы каждый
сей доводъ!
Любовь! — великая небесная пла-
нета,
Которой лучь — живитъ народы всего
свѣта!

Предъ коей кто дышалъ, колѣна преклонялъ,
Ей точно Богъ въ удѣлъ, всѣ радости отдалъ.
Любовь! — изобразить тебя ни кто не смѣетъ,
И даже *что* ты есть, постигнуть не умѣетъ,
Какъ нѣжный запахъ розъ — иль ландыша, весной
Льетъ въ воздухъ сладкое дыханïе съ собой; —
Пріятности сей дать названïя незнаешь;
Любуясь — нѣжишся, ее въ себя впиваешь; —
Такъ точно и любовь. — Чтобъ сходство съ ней найтить,
Не должно умствовать — а нѣжно полюбить!! —

* * *

Еще въ Альбомъ.

Не много нада словъ,
Чтобъ *написать* любовь;
Но много нада словъ,
Чтобъ *описать* любовь! —

* * *

За работу.

Для истинной любви ты *сантиманъ* вязала,
И всю мою любовь, къ себѣ имъ привязала. —

* * *

Невозможность.

Кто можетъ сей *контрастъ* намъ
въ сердцѣ согласить?
Сегодня обожать, а завтра — позабыть. —

* * *

Увядшему незабудочку.

О сколько я тебя цвѣточекъ мой любила!
Но все любовь моя тебя не охранила.
Ахъ! все безъ времяни цвѣточекъ мой завялъ!
Лишь въ сердцѣ у меня онъ цвѣсть не пересталъ! —

* * *

На отъѣздъ моихъ друзей.

Одно осталось мнѣ, — тужить;
Одна отрада, — слезы лить.
Одинъ законъ, — чтобъ васъ любить
И другомъ вашимъ вѣчно быть.

* * *

Вырѣзанные на березѣ.

Береза! — сохрани мои слова: „люблю!„
А я для милой, ихъ въ душѣ не истреблю.

* * *

Истинна.

Кто въ мїрѣ не любилъ,
Тотъ вѣрно и нежилъ. —
А кто любилъ, да не терпѣлъ, —
Тотъ истинной любви и въ сердцѣ не имѣлъ.

* * *

Донесенїе
въ Кри . . . у, изъ . . . . . .

Мы умѣли съ старичками,
Дни пріятно проводить;
И ихъ древними сердцами
Насъ заставить полюбить.

*

Съ ловкостью чего не можно
Надъ сердцами сотворить?
Съ ней — лишь только осторожно,
Можно воду запалить. —

*

Мы на опытѣ хотѣли
Вамъ то средство показать;
Вить все тоже: мы успѣли
Старичковъ собой занять. —

*

Всѣ морщины изчезали
При улыбкѣ лишь одной;
Глазки тусклые блистали,
Какъ древесной сукъ гнилой. —

*

Хоть сѣдины устрашали
Что ужъ поздно имъ любить,
Но мы средства въ мигъ избрали
Всѣ препятства удалить. —

*

Мы ихъ цвѣтъ волосъ назвали:
Точно какъ — *твё д' Аполлонъ;*
И какъ можно утончали
Сѣть — изъ льстивыхъ нашихъ словъ.

*

Мы твердили — что конечно
Ихъ власы Амуръ завилъ;

И раскидавъ такъ безпечно,
Въ нихъ утѣхи помѣстилъ.

*

Что Венера въ *сантиманы*
Граціи дала ихъ плесть;
Чтобы тѣмъ сердечны раны,
Всѣмъ носившимъ ихъ нанесть.

*

Хоть судьба въ предосторожность
Одному заткнула слухъ,
Чтобъ не сбить съ коренья должность,
Онъ къ любви казался глухъ.

*

Но *Мими* и въ пантоминѣ
Ему чувствовать дала,
Что въ его прелестной минѣ
Рай душевной обрѣла —

Ахъ! — возможно ли дивится
Что намъ весело вездѣ?
Въ рай пустыня обратится,
Взоръ проникнетъ женскій гдѣ. —

*

Такъ мы время провождая,
Вамъ спѣшимъ то донести;
Съ старичками мрачна края,
Скукѣ мы поемъ: — прости! —

* * *

Мой отвѣтъ на пѣсню, гдѣ бранятъ любовь.

Вы воскликните: какъ можно
Безъ любви на свѣтѣ жить?
Какъ незнавъ ея — возможно,
Такъ жестоко разбранить?

*

Я согласна въ томъ конечно,
Что жизнь вся минута есть;
Но тотъ жалокъ — кто сердечно
Не умѣлъ ее провесть. —

*

И то знаю — что вздыхаютъ
Всѣ любовники любя;
За то часто получаютъ
Радость жизни для себя.

*

Вы же вздоховъ хотъ не знали,
Но ихъ будете имѣть;
Сколькобъ сердца ни скрывали,
Оно будетъ въ васъ горѣть. —

*

Скажете тогда: пріятно
Вамъ и скорьбь переносить;
Ахъ! вамъ будетъ не понятно,
Какъ до сихъ поръ не любить.

* * *

Къ портретамъ

Почтенной фамиліи Стр . . . хъ.

В А**

Я надписи тебѣ не смѣю написать;
Но въ сердцѣ вѣчное почтенье сохранять,
Любить тебя душей, добротѣ удивлятся, —
Симъ даромъ я могу предъ всѣми величатся.

* * *

А А**

Позволь мнѣ твой портретъ похожій написать.
Любима Богомъ ты, — дѣтей добрѣйшихъ мать,

Свою ты кротость въ нихъ душевну
поселила,
И въ каждомъ свой портретъ, похо-
жій начертила. —

*

П В**

Ни кистью, ни перомъ нельзя такъ
сходно снять,
Какъ въ мысляхъ я тебя умѣю рисо-
вать:
Прекрасенъ, добръ, уменъ, — съ чув-
ствительной душою; —
Признайся! мой портретъ, сходнѣе
всѣхъ съ тобою.

*

Г Е* В* Г**

Художникъ вѣрно тѣмъ сердца обе-
регалъ,
Что здѣсь твой милый взглядъ несход-
нымъ написалъ.

І В**

(которой убитъ 1812 года).

Небесные черты! — какъ могъ онъ
въ мірѣ жить?
Нѣтъ! Ангелы должны предъ Богомъ
лишь служить. —

Г С* С* Г**

Похожъ! — но нѣтъ въ глазахъ
той милой доброты,
Съ которой на кого свой взоръ бро-
саешь ты,
Довѣренносшь къ себѣ, тотъ часъ при-
обрѣтаешь,
Почтенье — и любовь во всякомъ по-
селяешь. —

*

А В**

Какого воина сей видъ изобра-
жаетъ?
Какого милаго? кто сердце его
знаетъ.
Всмотритесь! — страшенъ взглядъ о-
течеству врагамъ!
Всмотритесь! — меньше ли опасенъ
онь сердцамъ? —

* * *

Воинамъ.

О воины! — краса вселенной!
Защита правды и боговъ.
Безсмертной славой озаренной
Вашъ видъ, — являетъ миръ, любовь.
Что шагъ, то новый вашъ трофей;
Предѣлъ ихъ — край вселенны всей.

*

Съ мечемъ на браняхъ — вы ужасны!
Грозою кажетесь людей!
Но сколь вы кротки, сколь прекрасны,
Когда — на родинѣ своей
Украсясь лаврами побѣдъ, —
Для васъ преграды къ сердцу
нѣтъ! —

*

Съ чела свой шлемъ хотя слагая,
Въ васъ виденъ тотъ же все Герой!

Готовы — страждущихъ спасая,
Всегда имъ жертвовать собой!
Права чтобъ слабыхъ утвердить;
Готовы жизни не щадить. —

*

Гдѣ взоръ вашъ милый появится,
Проглянетъ радость тамъ всегда!
Бесѣда вами лишь живится;
Гдѣ вы — тамъ скуки нѣтъ слѣда!
Привыкнувъ въ полѣ побѣждать,
Вамъ трудноль въ плѣнъ и сердце взять?

ПРОЗА.

Нѣсколько отрывковъ журнала, посвященнаго моимъ друзьямъ.

8го Іюня. Утро, рано; всѣ спятъ, а я съ своей грустью, съ карандашемъ и бумагой въ рукѣ, иду въ садъ; — сажусь писать къ вамъ въ крытой аллеѣ; не далеко отъ меня играетъ музыка, — и душа моя переносится къ вамъ. Боже! какія горестно — пріятныя минуты, Ты посылаешь намъ!

Теперь пишу подъ славной грущей; не далеко передомною открытъ обширной лугъ, на которомъ человѣкъ семьдесятъ рускихъ мужиковъ, косятъ сѣно; рѣка, за которой прекрасно расположенная деревня. — Но еще ближе отъ меня, еще поразительнѣе кар-

тину опишу вамъ: — вотъ за сею сливою, сидитъ молодая дѣвушка; насъ съ ней одно чувство вытащило такъ рано погулять; — меня любовь къ вамъ, — а ее къ молодому садовнику; — но она въ выигрышѣ: ихъ двое — а я одна! — Можетъ вы еще спите, милые! и геній хранитель вашъ, носитъ теперь надъ вами вздохъ мой? — Геній хранитель, говорю я, потому что вздохъ мой чистѣйшій. — Иду къ розовому кусту, которой манитъ меня къ себѣ: головка милая комнѣ! — но рокъ жестокой сказалъ: безрасудная! она не для тебя! — Милые! — я съ вами душой дѣлится сотворена, а бездной разлучена! —

Дѣвушку и розу нигдѣ нельзя спрятать. Такъ, друзья мои! замѣчаніе мое смѣшно, — но справедливо; — вотъ

мои доказательства: подошедши къ розовому кусту, я поцѣловала самую лутчую розу, воображая что цѣлую васъ и рѣшилась сорвать ее, чтобы когда буду вамъ читать сїе, сказать: „вотъ она!„ — Принялась за вѣточку, но проклятая свѣтская вѣжливость шепнула мнѣ: что не пристало рвать цвѣтовъ, безъ позволенїя хозяйки; — вѣточка выпала изъ рукъ моихъ! — я отошла, остановилась, взглянула на розу и думала: „жаль мнѣ тебя . . . . . нѣтъ, нѣтъ! я не разстанусь съ тобою; кто мѣшаетъ мнѣ сорвавъ тебя, спрятать — и никто не узнаетъ что ты есть на свѣтѣ.„ И такъ сорвавъ и спрятавъ розу въ ридикюль, я пошла въ комнату; хозяйка посадила меня возлѣ себя, говорила о томъ и о другомъ, на конецъ разговоръ зашелъ о дѣвуш-

кахъ; „ахъ какъ мило, сказала хазяйка: „когда дѣвица ведетъ себя хорошо; — „слышите ли, милая! какъ пахнетъ ро„за? гдѣ бы это?„ — я улыбнулась и отвѣчала: — „подлинно, сударыня! и на„моемъ щету, какъ бы ни старалась „скрыть себя хорошая дѣвушка, но и „правила и дарованія ее откроютъ.„ — Какъ на то роза пахла на всю комнату и хозяйка оглядывалась; — дѣвушку и розу ни гдѣ нельзя спрятать! —

Вы, милые! — вы не блистаете въ свѣтѣ, но многіе любятъ васъ, — хвалятъ васъ — и удивляются вамъ! —

2 й.

И такъ я на Днѣпрѣ, друзья мои! — вижу — сидя теперъ возлѣ окна, — какъ гордо несется сія величественная рѣка! Въ виду уменя Ненасытинскіе пороги, которые производятъ глухой

и дикой шумъ; — вижу какъ плаваютъ бревны разбитыхъ барокъ; — вижу на другой сторонѣ Днѣпра кремнистые горы и по онымъ прекрасно разсѣянная деревня Господина С. — каменная церковь съ оградой, съ обсаженными во кругъ ее деревцами, дѣлаетъ еще прелестнѣй сію картину. — А вы далеко отъ меня друзья мои! — васъ не занимаютъ сіи виды; — можетъ вы въ сію минуту сидя другъ возлѣ друга, вспоминаете меня — и ту картину которую горесть рисуетъ въ душѣ моей? — и тамъ теперь видна такая же буря какъ на Днѣпрѣ; и тамъ бьются такъ же какъ барки объ пороги! — Желанія видѣть васъ, не бывать разбиты ни суровою погодою, — ни угрюмостью меня окружающею! — Часто подъ вечерокъ, я мысленно переселяюсь къ

вамъ; — то воображаю что брожу съ вами въ К . . , останавливаюсь возлѣ липы — читаю вензеля — и Іероглифы на ней вырѣзанные; и вы со мною, — вы меня понимаете! — Ахъ! какая тяжесть для сердца, когда обращая во кругъ себя взглядъ, не встрѣчаемъ ни одного взора знакомаго намъ; — взора, которой бы проницая въ душу нашу, своимъ участіемъ умѣрилъ бы тоску ея! — Къ чему такое множество людей? довольно одного милаго намъ человѣка, чтобы всѣ предмѣты казались намъ прекрасными; — и сія ясная луна, которая съ тысячью лучами отражается въ Днѣпрѣ, — поселила бы во мнѣ такую грусть, ежели бы милый образъ вашъ явился мнѣ не въ воображеніи. — Пора спать. Ангелы хранители съ вами! — глаза мои совсѣмъ спятъ, но сія

бумага имѣетъ въ себѣ столько же магниту для моего пера, сколько вы для моего сердца. — Можетъ вы теперь и не воображаете что другъ вашъ бесѣдуетъ съ вами, что прижимая васъ къ своему сердцу, говоритъ: „пора спать!„ —

3й.

Сегодня вставши рано, мы выѣхали. Признатся вамъ, мнѣ жаль Днѣпра! — Дорога хотя прекрасная, но сидимъ, молчимъ; теперь я къ вамъ пишу изъ деревни К. Его нѣтъ дома и потому я пишу въ его кабинетѣ, за его писменнымъ столомъ, его перомъ, передомною лежитъ нѣсколько книжекъ; раскрывъ одну, я увидѣла стихъ: — „слеза друга „на чужой сторонѣ!„ —

Долголь, долголь не увижу
Милой родины моей?
Другъ! — доколѣ неуслышу
Глаза нѣжности твоей? . . . .

Я здѣсь срисовалась. Я немогу себѣ вообразить, какъ страненъ человѣкъ! Разлука съ вами тяготитъ меня, но при всемъ томъ я нахожу еще нѣкоторую отраду быть въ отдаленіи отъ васъ; это есть моя школа! Чрезъ сію разлуку я познаю себя, чшо всесьма трудно. Въ веселое и можно сказать — въ блаженное время, которое провожу съ вами, милые! одна нѣжность наполняетъ мою душу; разсудокъ мой забывъ себя, занимается вами; а здѣсь — вами и собою. — Познать человѣка очень трудно! какъ бы ни хорошъ былъ камеробскюръ, но срисо-

вывать въ немъ всегда бываетъ труднѣе, когда не освѣщенъ солнцемъ. — Такъ точно, какъ бы ни уменъ былъ человѣкъ, но безъ особеннаго луча познанія нельзя вникнуть въ него. — Когда вы смотрите на цвѣтокъ, который былъ бы лиловой, положимъ что это фіялки; то онъ иногда бываетъ темнѣе, иногда свѣтлѣе, — иногда свѣжѣе, иногда вялѣе. Ахъ! это изображеніе наше! Никогда, даже на самого добродѣтельнаго, никогда мы не можемъ сказать: „онъ всегда одинаковъ!„ — Нѣтъ, друзья мои! доброй пребудетъ добрымъ; но нельзя чтобы на нѣсколько минутъ — ежели не сѣмя зла, то безразсудности — не родилось въ его сердцѣ! Не правда ли что и вы, друзья мои! вы, коихъ душа изливается при малѣйшей нѣжности, и вы бываете иногда хуже, иногда лутче? —

Мои замѣчанія

Въ юности своей я имѣла привычку, изъ всякой читаемой мною книги дѣлать выписки. Не углубляясь въ точное изслѣдованіе хорошей фразы, я съ удовольствіемъ списывала ихъ,—и смѣялась иногда тому противорѣчію мыслей, которое есть истинное изображеніе жизни нашей; часто одинъ и тотъ же писатель въ моихъ выпискахъ, на одномъ и томъ же листѣ, съ равнымъ краснорѣчіемъ убѣждалъ насъ любить и ненавидѣть. Не давно пересматривая сіи выписки, я не вольно содрогнулась, нашедъ сіи слова: „кто не видѣлъ восходящаго солнца, тотъ не можетъ чувствовать величія Божія!„ — Я начертала сіи слова на бумагѣ, но не на своемъ сердцѣ, которое никогда не перестанетъ чувствовать, что сіе не

вмѣстимое Существо, съ равнымъ величіемъ является намъ, какъ въ самой маленькой былинкѣ, такъ равно и въ свѣтилахъ, насъ освѣщающихъ! Ежели мы захотимъ искать сего великаго Бога, то какъ не далеко Онъ отъ насъ! Одна воля наша бываетъ преградою, не дающею намъ видѣть во всемъ Его неизъяснимое величіе. — Когда бы одно только восходящее солнце изображало намъ Его, то какъ бы жалки были тѣ, кои въ невинной безпечности, просыпаютъ поль дня, не только восходъ солнца; и не ужели не взирая на всю доброту ихъ, за сію только погрѣшность, величіе Божіе никогда не озаритъ ихъ? Нѣтъ! мысль сія не должна устрашать человѣчество! Можетъ ли одно то что ослѣпляетъ, изобразить Бога, снизшедшаго къ намъ совсею кротостью

и смиренïемъ, — Бога, обитающаго не въ чертогахъ Царскихъ, но среди нищихъ и убогихъ; среди болящихъ тѣломъ и душею — и нуждающихся блаженствомъ жизни нашей; Онъ не давалъ о себѣ знать блескомъ сïяющимъ во всѣ предѣлы мïра, — въ томъ величïи Творца, привидѣ коего и Святые мужи трепетали; но милосердïемъ, симъ необъемлемымъ изображенïемъ Божества; которое Бога приближаетъ къ человѣкамъ, — а человѣковъ къ сему Великому Богу, которое одно въ полной мѣрѣ можетъ дать чувствовать каждому сердцу величïе Божïе! —

Злодѣй вырываясь отъ порока, при полномъ блескѣ восходящаго солнца, спѣшитъ въ непроходимыхъ дебряхъ, сокрыть свое злодѣянïе; — чувствуетъ ли онь величïе Божïе? видитъ его, раз-

смотриваетъ; но для чего? чтобы проклинать сіе небесное свѣтило, прервавшее его звѣрство; тоже самое солнце, на половинѣ своего пути освѣщаетъ лѣнивца, который не хотѣвши разстатся съ пріятными своими мечтами, не открывая глазъ покоится въ постѣлѣ; но самый сладкій покой, но сія счастливая безпечность, не затворяетъ сердца его для гласа страждущихъ; едва слухъ его бываетъ пораженъ болѣзненнымъ воплемъ, какъ онъ безъ дальняго размышленія бросается туда; отираетъ слезы, прижимаетъ къ сердцу своему каждаго нещастнаго, — отдаетъ ему все, даже готовъ жертвовать тою постелью, которая за часъ до того была ему милѣе всего; — мать сего бѣднаго сѣмейства, повергаясь на колѣна и подьемля руки свои, умо-

ляетъ Творца излить щастїе благодѣ-телю, который въ восторгѣ чувствъ своихъ, озаряемый лучемъ не изъяснимаго блаженства, представляетъ собой такое зрѣлище, на кое никто не можетъ взирать безъ того, чтобы не воспарить мысленно къ Богу. — Я вѣрю, что и самой злодѣй, тотъ въ коемъ восходящее солнце возбудило одно негодованїе, или не заставило обратить на себя вниманїя, — сей самый злодѣй, затрепеталъ бы при семъ въ душѣ своей и въ туже минуту позналъ бы Бога, дающему человѣку радость Ангеловъ!

Мы часто видимъ людей, чрезъ однѣ слабости своего сердца повергаемыя во всѣ нещастїя сего мїра; возхожденїе и захожденїе солнца, день и ночь, и даже самые годы равно для него; онъ изчезъ бы и въ сей и въ вѣчной жизни, ежели бы милосердїе Божїе, для пока-

занія ему Своего величія, не послало ему друга, кроткаго, нѣжнаго, снисходительнаго, не укоряющаго его — но сострадающаго ему, не устрашающаго его гнѣвомъ Божіимъ, но падшаго съ нимъ предъ Господемъ, и съ умиленіемъ сердца испрашивающаго ему помилованія. О! такой другъ, такой безцѣнной даръ Божій, не въ состояніи ли каждую душу убѣдить, что великъ Богъ! —

Человѣкъ! подобіе сего Бога! постигая волю своего Творца, можетъ ли равнодушно уступить, чтобы солнце, или что либо, изображало болѣе тебя то величіе, для коего ты одинъ назначенъ? лучшая цѣль трудовъ Божіихъ — сердце наше, такъ потемнено нашими заблужденіями, что неизъяснимое величіе Божіе не можетъ въ немъ отражаться.

* * *

Планъ храма любви въ сердцѣ.

Великій Архитекторъ, строивши сердце наше, расположилъ его очень просто; лутчую половину онаго отдалъ онъ *любви*, которая имѣя прекрасной вкусъ, украсила его по оному. —

Большая зала любви, имѣетъ три входа и еще нѣсколько потаенныхъ дверей; внутренность храма бѣлая, плафонъ небеснаго цвѣта, тронъ любви розевой на бѣломъ подножіи; вазы съ миртами, розами, и другими душистыми цвѣтами, бывъ поставлены во кругъ трона, наполняютъ весь храмъ не изъяснимымъ благовоніемъ! Первый входъ въ храмъ любви, прямая дорога изъ миртъ и розъ; *чувствительность* есть стражъ сего входа; она передаетъ пришедшаго *надеждѣ*, которая подводитъ его къ трону любви; прямо

противъ него сидитъ *любовь*, на своемъ прекрасномъ тронѣ. Какъ величественна она въ своей бѣлой одеждѣ! Жасминной вѣнокъ украшаетъ ея голову; какъ пріятно улыбается она пришедшему — и съ какимъ удовольствіемъ подаетъ ему руку!

Излучистая аллея, ведущая во вторрой входъ храма, обсажена кипарисомъ и изгибающимся колокольчикомъ (эмблема отягченнаго горестью человѣка); здѣсь стражемъ поставлено *терпѣніе;* оно поручаетъ странника *сожалѣнію* — и оно вводитъ его въ храмъ любви.... Но увы! *любовь* не обращена къ сему входу, — и такъ бѣдный прихожій воображай ея прелести, а не наслаждайся; однако же вспомни, что тебя ввело *сожалѣніе и терпѣніе.* Какъ пріятны и нѣжны бываютъ тѣ взгляды, кото-

рыми даритъ тебя *любовь*, оборачиваясь къ тебѣ изрѣдка!

Третiй входъ въ храмъ любви, идетъ чрезъ дубовую аллею; прекрасные незабудочки пестрѣютъ между твердыхъ дубовъ; *почтенiе* охраняя сей входъ, отдаетъ пришедшаго *дружбѣ*, которая встрѣчая его, подводитъ къ трону; сему любовь бываетъ видна въ профиль, но ни одна улыбка ея не пропадаетъ отъ его взора.

Потаенные двери храма, стерегутъ: *нечаянность*, *разсѣянность*, *самолюбiе*, и тому подобные.

М ы с л и.

Недовѣрчивость! что можетъ быть тебя ужаснѣе? Самое доброе сердце, подъ твоимъ владычествомъ становится суровымъ.

Кто растаптываетъ фіялку, тотъ не спрашиваетъ: отъ чего она увяла; но или бросаетъ ее, чтобы совѣсть его не угнѣтала, или прикладываетъ къ своему сердцу, что бы теплота онаго ее оживила.

*

Сердце есть ни что иное какъ таинственный замóкъ. Когда горесть подавляетъ пружину онаго, то оно отворяется дабы вмѣстить самыя нѣжныя и добрыя ощущенія. —

*

Есть горесть, которая безъ особой причины угнѣтаетъ нашу душу; сердце бываетъ сжато кажется, какъ будто для того, что бы вздохъ не облегчалъ его. Нѣтъ мысли, которая могла бы быть

пріятна; даже въ любимомъ воображеніи находишь что нибудь мрачное, насъ уничтожающее; но при всемъ томъ ни одна слеза не можетъ появится на глазахъ нашихъ. Ахъ! что можетъ быть ужаснѣе сего положенія? есть ли бы не сильное давленіе нашего сердца, то нельзя бы почесть себя существующимъ! —

*

Иногда думаю что зла нѣтъ на земли. По расположенію чувствъ нашихъ мы щастливы и не щастливы, страдаемъ и радуемся въ веселомъ духѣ; и смотря на все съ довѣренностію, мы вездѣ встрѣчаемъ добрыхъ, всѣ кажется расположены къ намъ отъ всего сердца; когда же надѣваемъ очки горести, то видимъ вездѣ непріятность

похожую на злобу. — Ахъ! въ сердцѣ нашемъ и рай и адъ! Но послѣдняго бываетъ больше, потому что мы не стараемся управлять своими чувствами. —

*

Щастливцы! пользуйтесь временемъ своего блаженства! — оно летитъ; другаго нѣтъ ему подобнаго. Въ природѣ Апрѣль и Апрѣль бываютъ одинаковы, а для сердца — Апрѣль и Апрѣль вмѣщаютъ много различнаго! —

ЕЩЕ СТИХИ (*)

Воображенїе.

Былъ, говорятъ, обычай древнихъ
Себѣ Пенатовъ выбирать;
Велось то у богатыхъ, бѣдныхъ,
Имъ щастїе домовъ ввѣрять.
Велось; — но вдругъ, законъ священной
Кумировъ ставить запретилъ;
Что Богъ одинъ во всей вселенной
Въ томъ сердце наше убѣдилъ.
Его любить, Ему дивиться,
Предъ Нимъ колѣна преклонять;

(*) Сїи стихи были пропущены мною; отъ того и помѣщаются послѣ прозы. Недосуги причиною и тому, что не имѣлъ времени совершенно смотрѣть за корректурою, отъ чего вкрались многїя погрѣшности въ печати.

Гр. Квитка

Къ Нему лишъ Одному стремиться
И блага жизни ожидать.

Такъ намъ Религія велѣла,
Скрижалями сердца избравъ;
Завѣтъ на нихъ напечатлѣла,
Въ залогъ намъ вѣчность показавъ.
Тогда кумиры повалились,
Изчезла и преданность къ нимъ;
Любовь и благость водворились,
Покрыли насъ крыломъ своимъ.
Тамъ щастье вѣрно обитаетъ,
Гдѣ свято сохраненъ законъ;
Единый Богъ оберегаетъ
Тотъ домъ, гдѣ сердцемъ призванъ
Онъ.

Любя Творца, мы не смѣшаемъ
Его подобія ни съ чемъ.
Но чувства наши хотъ смиряемъ,
Не можемъ дать преграды всѣмъ.
Онѣ не рѣдко въ насъ и нынѣ

Такого идола явять,
Что вопреки самой судьбинѣ,
Имъ мысли наши всѣ затмять.

Когда я садихъ какъ-то украшала
Въ воображенїи своемъ,
Ему Пенаша выбирала. . . .
Мелькнуло вдругъ въ умѣ моемъ
Поставить — воина младаго,
Ему придавъ тотъ милый видъ —
Тотъ видъ что щастїя прямаго
Минуту мнѣ изобразитъ.
Явлю его — какъ бы съ ученья
На конѣ борзомъ прискакалъ.
Прекрасенъ, съ видомъ утомленья
Съ чела свой киверъ приподнялъ.
Тутъ свѣтлые власы рядами
Свободу тотчасъ ощутивъ,
Взвились прекрасными кудрями,
Его прелестный взоръ открывъ;
Сей взоръ..... но нѣтъ! — воображенье

Свой быстрый бѣгъ останови!
Прочти кумировъ запрещенье
И милый призракъ истреби.
Пускай мой садикъ украшаютъ
Аврикель, *ландышъ*, *тубероз*ъ;
И видъ мнѣ милый замѣняетъ
Роскошный кустъ цвѣтущихъ *роз*ъ.

На вопросъ:

Отъ чего я много сплю?

Кто щастье лишь во снѣ встрѣ-
чаетъ,
Кто въ немъ покоенъ можетъ быть,
Тотъ день скорѣе убиваетъ,
Чтобъ больше хотъ во снѣ пожить.

Графу С. С. Гендрикову.

10-го Мая.

Въ день Ангела всегда дарятъ у
насъ букетомъ.
Природа, кажется, принявъ участье въ
этомъ
И имя такъ твое велѣла помѣстить,
Чтобъ свивъ вѣнокъ веснѣ, тебя имъ
подарить.
Кто смѣетъ спорить съ ней? — цвѣ-
ты ей уступаю;
Подаркажъ не имѣвъ, я искренно же-
лаю,
Чтобъ щастье, для тебя связало свой
букетъ;
И ты сыскавъ въ немъ все что ра-
дость намъ даетъ:
Любовь, согласїе и дружбу не измѣнну,

Довѣренность сердецъ, приязнь не лицемѣрну.
Еще желаю я всегда здорову быть
И дружбою прямой за дружбу мнѣ платить.

Имяна Особъ подписавшихся на сочиненія Кричевской.

Въ Орлѣ.

	Руб.
Графъ Сергѣй Михайловичъ Каменскій за 2 экземп.	100

Въ Тамбовѣ.

Варвара Федоровна Шредерь 1 экз.	10
Александра Алексѣевна Лебедева	5
Екатерина Дементьевна Каханова	5
Дарья Андрѣевна Боярская	5
Екатерина Александровна Климова	5
Ея Превосходительство Елисавета Сергѣевна Огарева	5
Екатерина Николаевна Писарева	5
Авдотья Антоновна Небогина	5
Аполинарія Антоновна Небогина	5
Анна Николаевна Чичерина	5
Марья Дементьевна Мосальская	5

Руб.

Княгиня Теофила Петровна Голицына 1 экземпл. - - - 15

Марья Петровна Голубева - - 5

Лифляндскаго Конноегерскаго полка Командиръ, Полковникъ и Кав. Александръ Сергѣевичъ Лашкаревъ 1 экз. - - - - 25

Въ Полтавѣ.

Леонтій Александровичъ Турскій - 5

Прасковья Ивановна Руновская - 5

Дмитрій Николаевичъ Баншышъ-Каменскій - - - - - 5

Въ Казанѣ.

Александръ Васильевичъ Страховъ 5

Поликсена Ивановна Рындовская - 5

Глафира Ивановна Панаева - - 5

Въ Екатеринославѣ.

Надежда Яковлевна Кричевская - 5

Елисавета Михайловна Шляхтина 5

Михайло Тимофѣевичъ Ельчаниновъ 5

Руб.

Александра Федоровна Мизко - 5
Марья Ивановна Андрѣевская - 5
Прасковья Ивановна Бориссякъ - 5
Надежда Ивановна Сушкова - - 5
Авдотья Ильинишна Маламина - 5
Антонъ Афанасьевичъ Калениченко 5
Олимпіада Григорьевна Шимкова - 5
Петръ Ивановичъ Воина - - 5
Василій Федоровичъ Даниловъ - 5

Въ Минскѣ.

Осипъ Ивановичъ Бернадскій . 5

Въ Мценскѣ.

Николай Андрѣевичъ Петровскій - 5

Въ Новой Ладогѣ.

Протоіерей Михаилъ Васильевичъ Грузинскій - - - - 5

Въ Чугуевѣ.

Одинъ добрый Уланъ 2 экз. - 1 черв.

Въ Богодуховѣ.

Василій Назарьевичъ Каразинъ - 5

Руб

Въ Сумахъ.

Иванъ Федоровичъ Богдановичъ 2 экземпл. - - - - - 10

Въ Новомъ Осколѣ.

Наталья Гавриловна Раевская - 5

Зміевскаго уѣзда.

Въ С. Гинѣевкѣ.

Прасковья Федоровна Балавенская - 5

Василій Никифоричъ Балавенскій - 5

Въ С. Гуляйполѣ.

Павелъ Петровичъ Марченко - 5

Максимъ Николаевичъ Ковалевскій 5

Въ С. Высочиновкѣ.

Дѣвица Марья Григорьевна Ковалевская - - - - - 5

Въ С. Печенѣгахъ.

Николай Николаевичъ Ковалевскій 1 экз. - - - - - 10

(*Окончаніе во II книжкѣ.*)

СЛѢПАЯ МАТЬ,

ИЛИ

НАГРАДА ИСПЫТАННОЙ ДОБРОДѢТЕЛИ.

ДРАМА

Въ трехъ дѣйствіяхъ.

ДРАМА

СЛѢПАЯ МАТЬ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

ГРАФЪ ПРЯМОВЪ.

МОДЕСТЪ, сынъ его.

ВИКТОРЪ, Модестовъ другъ.

ДОКТОРЪ МЕРЛЬ.

ГОСПОЖА ЛЮБОМИРОВА, слѣпая женщина.

СОФІЯ, дочь ея.

МАРІЯ, старая служанка Гжи Любомировой.

ДѢЙСТВІЕ I.

Явленїе 1.

Театръ представляетъ комнату въ домѣ Графа Прямова. Модестъ въ сертукѣ лишетъ, Викторъ не много погодя выходитъ въ мундирѣ.

Викторъ.

Конечно сего дня почтовый день Амура, что ты за письменнымъ столомъ? —

Модестъ. (*Оборачивается.*)

А! — очень къ стати другъ мой! — я цѣлое утро грустилъ.

Викторъ.

И такъ ты пишешь печальную Элегїю? — Долго ли тебѣ плакать? —

жалкой человѣкъ! — пристало ли воину страшиться батареи, построенной любовью? —

Модестъ. (*Встаетъ.*)

Но гдѣ оружіе, которымъ бы можно было побѣдить ее?

Викторъ.

Оружіе? — сама любовь, другъ мой! избрала его проникнувъ себя; льсти, ласкай, тверди чаще магическое слово: люблю! — и миртовой вѣнокъ разцвѣтетъ на головѣ твоей.

Модестъ.

Поэтому видно что ты не любилъ никогда; льсти, ласкай, говоришь ты: какъ будто любя искренно, имѣешь время выдумывать ласкательства? —

Викторъ.

Виноватъ! — забылъ что вамъ влюбленнымъ всегда недосугъ. — Вы всегда озабочены, всегда спѣшите, суетитесь; и ни на что не имѣете времени, но большую половину онаго тратите въ пустыхъ вздохахъ.

Модестъ. (*Съ улыбкою.*)

Тебѣ ли дѣлать картину любви человѣкъ каменно-сердый! — можетъ ли твоя грубая кисть изобразить всѣ ея оттѣнки, — всѣ пріятные виды? —

Викторъ.

О чемъ же вѣчно плачешь, ежели любовь тебѣ улыбается? Надобно быть очень просту, чтобы любя много, не надѣятся быть любиму; это невозможно! —

Модестъ.

Кто тебѣ говорилъ, что я не любимъ? — но развѣ можетъ быть щастливо сердце, когда любимый нами предмѣтъ страждетъ?

Викторъ.

Что же тебѣ мѣшаетъ уменьшить нещастїе своего любимаго предмѣта? —

Модестъ.

Научи прежде, какъ это сдѣлать; — Нѣтъ! ты не знаешь всего благородства души моей Софїи! — Захочетъ ли она принять благодѣяніе? —

Викторъ.

Благородство души можно назвать излишнею гордостїю, когда оно отвергаетъ вспоможеніе истинной дружбы.

Модестъ.

Развѣ она не читаетъ въ моемъ сердцѣ? Могла ли бы она не замѣтить притворства въ томъ, кого слишкомъ понимаетъ, и кто при каждомъ случаѣ старается показать ей не дружбу, — а самую нѣжную любовь. — Она отвергаетъ все безъ совершенныхъ правъ.

Викторъ.

Такъ предложи ей свою руку.

Модестъ.

На силу ты сказалъ одно умное слово; но и на то къ нещастію моему будетъ отвѣтомъ: невозможно.

Викторъ.

Почему же невозможно, когда ты любишь и любимъ ею? —

Модестъ.

Развѣ ты забылъ, что я имѣю отца и богатство, а Софія моя бѣдна.

Викторъ.

Что же это значитъ?

Модестъ.

То, что батюшка никакъ на сіе не соглашается — „Она бѣдна„ — говоритъ онъ: — и не хочетъ даже узнать, что богатое ея сердце съ избыткомъ замѣняетъ бѣдность! — (*задумывается.*) Какую силу другъ мой, можетъ имѣть его сопротивленіе надъ моею любовію. По его желанію я не буду принадлежать Софіи. — Но — любить одну ее вѣчно, въ томъ единственно полагать все свое щастіе — не по препятствуетъ мнѣ никакая сила, никакое богат-

ство; онѣ невластны надъ сердечными чувствами!

Викторъ.

Нѣтъ, Модестъ! обязанность твоя не ограничивается одною вѣчною любовїю къ Софіи, ты располагаешь собою, какъ будто ты и принадлежишь только самому себѣ. — Не ты ли искалъ взаимной любви Софїи? не ты ли заставилъ ее страдать больше прежняго? — Модестъ! ты долженъ изыскивать средство сдѣлать ее щастливою, не одною твоею искреннею любовїю; надобно чтобы ты взглянувъ на нее, могъ сказать: — „я не разрушилъ ея благополучїя, а утвердилъ его.„

Модестъ. (*Обнимаетъ его.*)

Викторъ! Викторъ! мое сердце понимаетъ тебя! — Клянусь, естьли

бы я и меньше любилъ это добрѣйшее твореніе, то узнавъ что могу составить его щастіе, посвятилъ бы ему всю жизнь свою.

Викторъ. (Съ чувствомъ жметъ его руку.)

Я давно былъ увѣренъ что ты истинно благородный человѣкъ. Не самъ ли ты оказывалъ ей свою нѣжность, искалъ быть ею любимъ? — безъ чего чувствительное ея сердце, не смѣло бы никогда питать склонность къ человѣку, которой хотя достоинъ всей ея нѣжности, но превышаетъ ее званіемъ и состояніемъ. — Не играй сердцемъ, естли ты не увѣренъ что можешь составить его щастіе; — чемъ оно виновато, что любить есть назначеніе природы? — Но точно ли ты знаешь что Софія тебя любитъ? — Сказала ли она тебѣ? —

Модестъ.

Нѣтъ; она не говорила — Но нужно ли это Викторъ? Истинная любовь такъ прозорлива, что отъ нее не скроется и тѣнь взаимности; — при всякомъ моемъ посѣщеніи я вижу новые доказательства Софіиной ко мнѣ нѣжности.

Викторъ.

По этому она обнаруживая свою привязанность, старается увеличить твою?

Модестъ.

Не обижай ее другъ мой, этою мыслію; хотя она и не терпитъ притворства, но съ удивительною осторожностію скрываетъ сердечныя свои чувства. — О Викторъ! какая прелесть наполняетъ душу того, кто бываетъ предмѣтомъ сихъ чувствъ!

Съ какимъ терпѣніемъ переноситъ она во всемъ домашніе недостатки, съ какою нѣжною попечительностію заботится о слѣпой своей матери!

Викторъ.

Такъ надобно непремѣнно придумать, какъ бы уговорить отца твоего.

Модестъ.

Лишь бы онъ согласился видѣть Софію, то вѣрно полюбитъ ее.

Викторъ. (*Улыбаясь.*)

Смотри чтобы этимъ больше не испортить. Софія прекрасна; — а красота и пріятности дѣйствуютъ равно какъ на молодаго, такъ и на старика. — Впрочемъ мнѣ кажется онъ согласится ее видѣть, когда ты дашь ему слово повиноваться его волѣ; ежели и послѣ того

онъ будетъ пропивиться твоему желанію. . . . .

Модестъ.

Скажи лучше моему щастію! но не знаю, мое предчувствіе. . . . .

Викторъ.

Что мнѣ нужды до твоего предчувствія; какъ хорошо что я не влюбленъ; надобно бы было чувствовать, предчувствовать, — и Богъ знаетъ что! — Давно ли ослѣпла мать Софіи? —

Модестъ.

Три года. — Докторъ Мерль нашелъ, что на глазахъ ее ничего незначущіе наросты, которые очень легко снять; по убѣдительной моей прозьбѣ сегодня онъ сдѣлаетъ эту операцію.

Викторъ.

Какъ бы награждена была сія бѣдная мать за свое терпѣніе, естьли бы первый взоръ ея, встрѣтилъ щастье ея милой дочери! — не надобно терять времени, пойдемъ къ твоему отцу.

Модестъ. (*Съ горестію.*)

Ты не знаешь какъ рѣшительно отказалъ онъ въ моей прозьбѣ! Хотя больно сердцу предоставить времени располагать моимъ благополучіемъ, но я не могу ничего предпринять безъ согласія Софіи.

Викторъ.

И то правда; солдатъ не долженъ рѣшаться ни на что, безъ позволенія Начальника. — Но скажи пожалуста что ты писалъ? —

Модестъ.

Какой-то щетъ. — Батюшка мнѣ его далъ какъ говоритъ, чтобы разбить мои мысли; а я такъ думаю чтобы напомнить мнѣ, о доходахъ заграждающихъ мнѣ путь къ моему благополучію.

Викторъ.

Оставь другъ мой, эту печальную мысль; лучше дѣйствовать нежели вздыхать. — Я слыхалъ отъ вашей братьи влюбленныхъ, что надежда всегда сопутствуетъ любви; — такъ на что же отчаяваться.

Явленїе II.

Тѣже и Графъ Прямовъ. (*Кланяется съ Викторомъ.*)

Модестъ. (*Подаетъ Графу щетъ.*)

Батюшка! я исполнилъ ваше приказанїе.

Графъ.

Благодарю другъ мой! — Викторъ! вы насъ забыли?

Викторъ.

Кто надѣваетъ мундиръ, тотъ прячетъ желанїя свои въ сердце; вамъ извѣстно что служивой не всегда можетъ располагать временемъ своимъ; къ тому же на прошедшей недѣлѣ я былъ дежурнымъ.

Графъ.

О это дѣло другое, а мнѣ казалось что вы насъ разлюбили.

Викторъ.

Ваше ко мнѣ расположеніе и дружба Модеста, не позволила бы этого мнѣ сдѣлать; да я и не думаю чтобы чувства истинныя могли когда перемѣниться.

Графъ.

И очень.

Модестъ.

Невозможно! —

Графъ.

Всѣ вы молодые люди такъ думаете. Васъ также трудно переувѣрить, какъ худаго сочинителя что его сочиненія никуда негодятся.

Модестъ.

Оставьте насъ при нашемъ заблужденіи; мы не позавидуемъ знатокамъ жить въ свѣтѣ, лишь бы

любовь и дружба услаждали жизнь нашу. —

Графъ.

На долго ли другъ мой? — Повѣрь моей опытности; все проходитъ.

Модестъ.

Батюшка, чтобы было на свѣтѣ, ежели бы люди знавъ что нѣтъ прочности ни въ чемъ, всякую минуту о томъ думали? —

Графъ.

Чтобы было? — Люди были бы умнѣй, не тратили бы времени въ пустыхъ вздохахъ, но употребляли бы его на полезное.

Модестъ.

Мало ли мы и теперь встрѣчаемъ такихъ людей?

Графъ.

Но большая половина васъ вздыхателей. — Теперь вошло въ обычай, что человѣкъ не можетъ жить безъ того, чтобы не провздыхать свою молодость. — Неумѣя еще понимать, отваживается выбирать и дѣлаетъ важнѣйшій шагъ въ жизни по произволу своей вѣтреной головы. — Любить, это такая у нихъ необходимость, для которой мы только и родимся на свѣтъ. — Согласенъ, что всякой человѣкъ не можетъ быть безъ привязанности къ какому кибудь предмѣту; однакожъ онъ не долженъ заглушать совѣта разсудка, или вопреки имъ дарить своею любовью кого ни попало. — Молодой человѣкъ, благородной фамиліи, плѣнясь хорошенькимъ личикомъ самой бѣдной дѣвушки, думаетъ, что отецъ

сего не вправѣ ему сказать: — „берегись, красота не вѣчна, а въ бѣдности она скорѣе всего проходитъ.“ —

Модестъ.

А ежели сей молодой человѣкъ имѣетъ самъ столько, что бѣдную дѣвушку можетъ сдѣлать богатою, то по чему же не предаватьсѣ ему своей чувствительности? —

Графъ.

Потому что состоянїя ихъ различны; благоразумїе никогда не апробуетъ того союза.

Модестъ.

И такъ по мнѣнїю вашему, батюшка! богатой долженъ забыть что у него есть сердце, а бѣдная дѣвица отказаться со всемъ отъ надежды къ щастїю?

Графъ.

Со всѣмъ не то! — Да ты самъ говоришь: что бѣдная должна найти свое щастїе съ богатымъ человѣкомъ. — Почему же только съ богатымъ? —

Модестъ.

Вы не такъ поняли батюшка мои слова, я говорилъ; о дѣвицѣ которая чувствуя склонность къ человѣку, по слозамъ вашимъ не должна и помышлять о щастїи принадлежать ему, потому только, что прихотливая фортуна поставила ее въ нижшемъ противъ него состоянїи.

Графъ.

Но кто поручится, что не интересъ есть главная пружина ея любви?

Модестъ.

Хорошія правила сей дѣвицы.

Графъ.

Вы рѣдко смотрите на нихъ. — Но не лучше ли намъ кончить сей разговоръ? — Старость и любовь далеки между собою; знаю только что моихъ мнѣній никто не можетъ разрушить. (*Къ Виктору которой стоитъ задумавшись,*). Что такъ задумался Викторъ?

Викторъ.

Думалъ о вашемъ разговорѣ и нашелъ, что вы правы; но по моимъ мыслямъ — отецъ увѣренный въ добромъ сердцѣ и въ основательныхъ правилахъ своего сына, — можетъ дать ему на волю выборъ себѣ пары.

Графъ.

Прекрасно! ежели же сынъ мой будетъ нещастливъ? —

Викторъ.

Думаю что вамъ было бы тягостнѣе видѣть сына нещастнаго отъ васъ, нежели отъ его молодости. — Въ послѣднемъ случаѣ онъ будетъ стараться не дать вамъ того замѣтить, и даже сыщетъ способы уменьшить свое нещастїе; — въ первомъ же, какъ бы ни нѣжна была его къ вамъ привязанность, вы противъ воли его, во всемъ будете видѣть его упреки. — Согласитесь, что маловажное зло причиненное намъ другими, мы сильнѣе чувствуемъ нежели то, которое сами себѣ наносимъ. —

Графъ. (*Съ чувствомъ.*)

Доказательства ваши справедливы. — Зная чувство Модеста, мнѣ непростительно казаться не понимающимъ цѣли вашихъ разсужденій; — но послушай Виктор! ; — не уже ли я не долженъ счищать терніе на пути моего сына? — Не уже ли видя рвы на дорогѣ его, не долженъ засыпать ихъ, чтобы онъ не имѣлъ трудности въ путешествіи своемъ? —

Модестъ. (*Схватя руку у Графа прижимаетъ ее къ сердцу.*)

Батюшка! я отдаю себя въ полную вашу волю. —

Графъ.

И такъ моя воля есть, чтобы ты никогда не возобновлялъ сего разговора. (*Нѣсколько возвыся голосъ.*) Я

знаю что дѣлаю; и ненавижу то чувство, которое отнимаетъ у меня повиновенїе моего кроткаго Модеста. —

Модестъ.

О! нѣтъ батюшка! — нѣтъ такого чувства которое бы заставило меня забыть долгъ свой. — (*задумывается.*)

Графъ. (*Виктору.*)

У васъ новый Полковникъ и какъ я слышалъ человѣкъ съ большими дарованїями?

Викторъ.

Это правда! — но что всего лучше: хорошїй, знающїй свою должность; — ласковъ въ обращенїи съ нами и взыскателенъ въ упущенїи по службѣ. —

Графъ.

За это ему награда, любовь его подчиненныхъ. — Модестъ, я бы желалъ чтобы ты побывалъ у него съ Викторомъ. — Въ твои лѣта не надобно пренебрегать хорошимъ знакомствомъ.

Модестъ.

Очень хорошо, батюшка! — пойдемъ Викторъ.

Викторъ.

Ты не одѣтъ.

Модестъ.

Ну такъ пойдемъ въ мою комнату. — Прощайте батюшка. — (*Уходитъ въ боковую дверь.*)

Графъ.

Я буду ожидать васъ къ обѣду.

Явленіе III.

Графъ. (*одинъ.*)

Вездѣ, куда ни обратишь взоръ свой, встрѣчаешь людей съ романическими бреднями. Система чувствительности поселилась во всѣ умы; нерѣдко тотъ кто не понимаетъ ее, твердитъ о ней, чтобы поддѣлаться къ модному тону. — О люди, люди! развѣ то не принадлежитъ къ чувствамъ, что отецъ съ заботливостію смотритъ на шаги своего сына и предвидя по онымъ его паденіе, старается остановить его? (*задумывается.*) Но естьли и въ самомъ дѣлѣ эта Софія одарена всѣми качествами, могущими доставить истинное щастіе моему Модесту; и любитъ точно его, а не богатство? — Нѣтъ! прежде нежели я сдѣлаю рѣши-

тельный отказъ въ согласіи на союзъ сей, я долженъ узнать ее лично или испытать чрезъ человѣка достойнаго и ко мнѣ приверженнаго. — Модестъ! ты не долженъ такъ строго судить отца своего.

Явленіе IV.

Графъ и *Докторъ Мерль.*

Графъ.

Здравствуй, мой любезный Докторъ! — Каково идутъ твои дѣла?

Докторъ.

Очень хорошо, Ваше Сіятельство!

Графъ.

Гдѣ ты былъ теперь?

Докторъ.

У бѣдной Г-жи Любомировой.

Графъ.

У Г-жи Любомировой? — Я что то о ней слышалъ. —

Докторъ.

И вѣрно все хорошее. — Это добрѣйшая душа! — А какая у нее дочь! Надобно быть слишкомъ строгихъ правилъ, чтобы не желать ей нравиться.

Графъ. (*Улыбаясь.*)

Кажется ты не отчаяваешся въ успѣхѣ.

Докторъ.

Извините Ваше Сіятельство, я не мечтаю о себѣ такъ много; право я отъ всего сердца бываю доволенъ и тѣмъ, когда кроткая Софія, съ дружескою откровенностію, сообщаетъ мнѣ свои опасенія на щетъ болѣзни ея матери.

Графъ. (*Удивясь.*)

Ее зовутъ Софіею? (*скоро.*) И такъ она дѣвушка любезная?

Докторъ.

Любезная? — Изъ этого обыкновеннаго слова видно, что вы ее не знаете. — Это ангелъ въ образѣ человѣческомъ, — въ такомъ образѣ, на который каждый взглядъ вселяетъ желаніе, быть ей въ чемъ нибудь полезнымъ. — Жаль только, что сія милая дѣвица нещастлива! —

Графъ.

Изъ чего ты это заключаешь?

Докторъ.

Я имѣю глаза, имѣю сердце; ежели не увижу горести другаго, то почувствую.

Графъ.

Да какъ ты познакомился съ этимъ домомъ?

Докторъ.

Вамъ извѣстно въ чемъ состоитъ наша обязанность; гдѣ есть страждущій тѣломъ, помогай искуствомъ; гдѣ есть страждущій душею, помогай участіемъ, которое послужитъ если не лѣкарствомъ, такъ по крайней мѣрѣ подкрѣпленіемъ.

Графъ.

По этому ты совершенный Докторъ?

Докторъ.

Мое правило, Ваше Сіятельство! быть полезнымъ всѣмъ по возможности.

Графъ.

Хорошее правило! Но иногда мы ошибаемся; думая поддержать человѣка, сшибаемъ его съ ногъ.

Докторъ.

Въ такомъ разѣ не мы виноваты, а случай. Всего бы хуже было видя человѣка умирающаго отъ жажды, не дать ему пить, потому только что лишнее, можетъ быть ему вредно.

Графъ.

Нѣтъ, другъ мой! не во всякомъ случаѣ можно сказать: не пей больше. — Капля ободряющая человѣка, можетъ возстановить его силы; онъ вырываетъ сосудъ изъ рукъ твоихъ и прежде нежели ты можешь ему попрепятствовать, выпиваетъ до дна. Тогда ты упрекаешь себя въ его погибели, но ужъ поздно!

Докторъ.

Это случиться можетъ съ однимъ; за что же тысячи должны умереть?

Графъ.

Мнѣ очень интересно узнать эту Г-жу Любомирову. — А чемъ она больна?

Докторъ.

Болѣзнь ее есть самая тяжкая въ мірѣ; она не можетъ видѣть единственную дочь свою.

Графъ.

По простy сказать: — она слѣпа?

Докторъ.

Точно такъ; три года тому назадъ, она потеряла добраго мужа оставившаго ее въ бѣдности; не успѣвъ еще привести въ порядокъ свое ма-

ленькое хозяйство, она лишилась зрѣнїя. — Вообразите положенїе бѣдной Софїи! Почти двѣ потери вдругъ, одна другой тягостнѣе.

Графъ.

Не завидное состоянїе! — что-же она бѣдненькая?

Докторъ.

Развѣ великая душа не въ состоянїи подавить свою горесть для спокойствїя другихъ? — Положивъ твердое намѣренїе, не дать замѣтить матери своей ихъ горькаго состоянїя, она исполнила его совершенно.

Графъ. (*Съ удивленїемъ.*)

Благородная душа!

Докторъ.

О! Ваше Сїятельство! Вы не такъ бы еще стали удивляться,

естьли бы коротко узнали сію дѣвицу! Кромѣ безпримѣрныхъ ея попеченій о ея матери, она ни одну страждущую и прибѣгающую къ ней душу, не оставляетъ безъ упѣшенія;.. — и что я говорю: прибѣгающую къ ней; — нѣтъ! Она сама отыскиваетъ бѣдныхъ, безпомощныхъ и раздѣляетъ съ ними послѣдній кусокъ. — Когда видишь ее и говоришь съ нею, то кажется она не принадлежитъ къ здѣшнему мiру. — Она не имѣетъ ни желанiй, ни намѣренiй которыя бы относились собственно къ ней. —

Графъ.

Прекрасной портретъ, мой любезной Докторъ!

Докторъ.

Божусь вамъ Ваше Сiятельство, что онъ не далекъ отъ подлинни-

ка. — Ежели вы увидите нещастнаго, спросите его: кто тебя утѣшаетъ? — Вѣрно отвѣтъ его будетъ: Софїя! —

Графъ.

Ну, любезной мой! каковы глаза ея матери?

Докторъ.

Я осмотрѣлъ ихъ, и нашелъ что можно помочь.

Графъ.

Чтожъ тогда Софїя?

Докторъ.

Софїя упала предомною на колѣни и закричала: „помоги ей — и „благодарность моя будетъ вѣчная; „возьми все что мы имѣемъ и воз„врати мнѣ взоръ обожаемой мною „матери!“ — Этотъ голосъ, Ваше

Сіятельство! и изверга въ состоянїи сдѣлать добродѣтельнѣйшимъ человѣкомъ. —

Графъ. (*Утирая слезу, старается скрыть ее.*)

Особливо голосъ прелестной дѣвушки. —

Докторъ.

Софїю нельзя назвать прелестною. — Все что прельщаетъ, нравится глазамъ; а она же скорѣе всего понравится сердцу.

Графъ.

Да не больна ли и она чѣмъ нибудь?

Докторъ.

Не знаю. — По крайней мѣрѣ она никогда не жаловалась.

Графъ.

Пульсъ сердца ея полонъ, или нѣтъ?

Докторъ.

И того не знаю. — Софія очень бѣдна; а можетъ ли бѣдная дѣвица дать волю своимъ чувствамъ? Она смѣетъ только открыть сердце свое Богу, людямъ же ни подъ какимъ видомъ; въ такомъ случаѣ они злѣе самой судьбы. — Хотя Софія имѣетъ всѣ добродѣтели и достоинства соединенныя вмѣстѣ, но согласится ли какой богачь назвать ее своею дочерью потому только, что она любитъ его сына.

Графъ. (*Задумывается, потомъ протягивая руку Доктору.*)

Скажи откровенно, любезный Докторъ! Какое имѣлъ ты намѣ-

реніе говорить мнѣ такъ много хорошаго о сей дѣвицѣ? —

Докторъ. (*Удивясь.*)

Какое намѣреніе? (*съ укоризною.*) Увѣряю Ваше Сіятельство, что всякой честной человѣкъ, которой знаетъ хорошо Софію, говоря о ея совершенствахъ, не можетъ имѣть въ виду никакихъ намѣреній. — Кажется вы меня довольно знаете, Графъ! лесть и притворство всегда были и будутъ противны моимъ правиламъ.

Графъ. (*Пожимая его руку.*)

Извини другъ мой! Я оскорбилъ тебя невиннымъ образомъ, но я думалъ, не говорилъ ли чего сынъ мой?

Докторъ.

Теперь догадываюсь въ чемъ вы насъ подозрѣваете. Клянусь, что подозрѣ-

нïе ваше несправедливо! А чтобы не оставить въ васъ ни малѣйшаго подозрѣнïя, я долженъ нарушить данное мною слово.

Графъ.

Нѣтъ, я прошу тебя этого не дѣлать.

Докторъ.

Чтобы оправдать предъ вами Модеста и доставить еще удовольствïе вашему родительскому сердцу, я не боюсь нарушить сïе обѣщанïе; — съ прозьбой не объявлять никому, даже и вамъ. Модестъ по добротѣ своего сердца, не одинъ разъ поручалъ мнѣ пользовать на его щетъ бѣдныхъ больныхъ. И такъ судите сами, могъ ли бы я что нибудь заключить изъ желанïя его, чтобы я помогъ Гжѣ Любомировой? — Я виноватъ предъ Мо-

дестомъ, я не могъ даже и вообразить чтобы сердце его, до такой степени было благородно! Любить Софїю, значитъ любить добродѣтель! —

Графъ. (*Обнимаетъ его.*)

Послѣ моей тебѣ обиды, я ужъ не смѣю сказать, сколько я благодаренъ. (*по молчавъ.*) Скажи, что ты думаешь дѣлать съ глазами сей бѣдной женщины?

Докторъ.

Надѣюсь сего дня кончить операцїю благополучно.

Графъ.

Сего дни? — А награда?

Докторъ.

Софїина вѣчная благодарность.

Графъ. (*Беретъ Доктора за руку.*)

Довольно мой добрый Докторъ. Я намѣренъ сдѣлать тебѣ важную довѣренность, пойдемъ въ мой кабинетъ. (*Уходятъ.*)

Конецъ перваго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ II.

Явленїе I.

(*Комната въ домѣ Г-жи Любомировой чисто и опрятно прибранная; Софїя одна ставитъ большое етарое крѣсло среди комнаты, отирая на немъ лыль, осматриваетъ кругомъ.*)

Софїя.

Почтенное крѣсло! Нѣкогда Софїя была такъ мала, что ты служило ей вмѣсто кровати, — на тебѣ она засыпала и просыпалась съ улыбкою радости! — Давно ужъ изчезла сїя улыбка; и теперь когда ставлю тебя въ надеждѣ увидѣть на тебѣ первый взоръ моей нѣжнѣйшей матери, — и теперь какое-то томное предчувствїе, поселяется въ

думѣ моей. — Не уже ли щастїе и нещастїе, такъ тѣсно между собою сцѣплены, что нельзя наслаждаясь однимъ, не быть постигнуту другимъ? — Чего бы кажется недоставало мнѣ, когда здоровье моей маминьки будетъ совершенно? (*Задумывается; — старые стѣнные часы бьютъ. Софїя считаетъ тихо.*) 12 ть часовъ, а Доктора еще нѣтъ. — Посмотрю что дѣлаетъ маминька. (*подходитъ къ дверямъ материной комнаты и потихоньку заглядываетъ.*) Она уснула. — О милый другъ мой! почему я не могу доставить первымъ твоимъ взорамъ всего любезнаго твоему сердцу? — Даже и въ Софїи своей, ты не найдешь того спокойствїя которое видѣла и которымъ упѣшалась!

Явленїе II.

Софїя и *Марїя* (*Подаетъ ей письмо.*)

Софїя.

Отъ кого?

Марїя.

Отъ Доктора Мерль; — посланной ждетъ отвѣта.

Софїя.

Хорошо. (*беретъ письмо*) Милая Марїя! поди къ маминькѣ и подожди пока я тебя позову; — ежели она проснется, не сказывай ей про это письмо; — я боюсь не опсрочилъ ли онъ нашего благополучїя. — (*Марїя уходитъ.*)

Явленїе III.

Софїя. (*Одна подходитъ къ партеру, и читаетъ письмо въ слухъ.*)

„Прелестная Софїя! наконецъ я „рѣшился сказать вамъ, что отъ васъ „единственно зависитъ возвращенїе „зрѣнїя вашей матушкѣ. — За мое „искусство вы предлагали мнѣ имѣ- „нїе. — Я требую руки прекрасной „Софїи. Никакая другая награда „мнѣ не нужна; естьли вы дорожи- „те своею матерью то согласитесь „и тотъ часъ явится щастливый „Докторъ Мерль. (*Письмо выпадаетъ изъ рукъ Софїи, она стоитъ нелодвижно, наконецъ складывая руки, вскрикиваетъ.*) Великїй Боже! чего онъ отъ меня требуетъ? — (*Ходитъ въ задъ и въ передъ по теа-*

тру и становится противъ партера.) Ежели я дорожу своею матерью, то соглашусь. — Можетъ ли быть ужаснѣе сего испытанія! (*Ломаетъ себѣ руки.*) Софія, Софія! что ты будешь дѣлать? Естьли душа въ семъ мірѣ, которой бы ты смѣла открыть свою горесть, или просить помощи, — и которая бы видя мое сердце могла сказать: — Злой человѣкъ! Не требуй этого; — она никакъ, никакъ не можетъ того исполнить! (*вздрагиваетъ.*) Но слѣпая мать моя! — Не уже ли она должна быть обманута въ такой сладкой надеждѣ? особливо теперь когда исполненіе оной зависитъ совершенно отъ меня! — Не будетъ ли каждый взглядъ мой на тебя мучительнымъ упрекомъ для моего сердца? — (*подымаетъ руки къ небу.*) Боже! укрѣпи

меня! изцѣли тяжкую болѣзнь моего сердца! — Изгладь то чувство, которое безъ надежды обьемлетъ мою душу. Только одно могло составить мое благополучіе; оно не можетъ совершиться; и такъ мнѣ не трудно отказаться отъ всего щастія на земли! — (*Поворачивается къ материной комнатѣ.*) Спи покойно милая маминька! Ангелъ хранитель твой озаряетъ душу твоей дочери, она все для тебя сдѣлаетъ. — Нѣжный взоръ твой, купленный такъ дорого, успокоитъ ее! — Надобно кончить скорѣе, пока есть еще во мнѣ силы. (*Подымаетъ Докторову записку, садится къ столу и пишетъ. Потомъ зоветъ.*) Марія! Марія!

Явленïе IV.

Софïя и *Марïя* (*входитъ и отступаетъ назадъ.*)

Марïя.

Боже мой! — что съ вами сдѣлалось?

Софïя (*горестно улыбается.*)

Ничего, милая Марïя! — Вотъ отвѣтъ присланному отъ Доктора.

Марïя.

Не отказывается ли онъ помочь барынѣ?

Софïя.

Нѣтъ.

Марïя.

Чтожъ, не уже ли дорого проситъ?

Софія (*Забываясь съ чувствомъ.*)

Слишкомъ дорого, милая Марія!

Марія (*Качая головой.*)

Кто бы могъ подумать на этого человѣка? всегда былъ такой ласковой, такой добрый —

Софія.

Отправь скорѣе присланнаго.

Марія.

Сей часъ сударыня! — (*Уходитъ.*)

Явленіе V.

Софія (*Одна, бросается въ кресла и закрываетъ руками глаза.*)

Не уже ли это подлинно правда? — Не поспѣшила ли я слишкомъ, безъ совѣту и согласія моей

матери? — Еще можно воротить. — (*встаетъ и опять садится.*) Нѣтъ! самъ Богъ внушилъ мнѣ эту мысль. — Милая маминька! ты бы никогда не согласилась на это предложенїе; ты лишила бы меня послѣдняго утѣшенїя, употребить жизнь мою на пріятную обязанность для моего сердца.

Явленїе VI.

Софїя и Марія.

Марія.

Не сокрушайтесь милая барышня! мнѣ пришла мысль какъ помочь этому нещастїю. — Не всегда ли доброй Графъ Прямовъ предлагалъ вамъ свои пособїя?

Софія (*останавливая ее.*)

Молчи ради Бога, милая Марія!

Марія.

Какъ же быть сударыня? вить подлинно, надобно не имѣть сердца, чтобъ теперь отказать барынѣ въ ее надеждѣ? —

Софія.

Она будетъ видѣть, сего дни же будетъ видѣть; поди къ ней и сдѣлай милость не говори ни слова.

Марія.

Извольте сударыня! — (*Уходитъ въ комнату Гжи Любомировой.*)

Явленїе VII.

Софїя (*одна*).

Добрая Марїя! здѣсь не требуютъ золота, требуютъ жизнь! — (*задумывается*; *потомъ встаетъ съ слокойнымъ видомъ*.) Софїя! не уже ли не радуетъ тебя та награда которую ты получишь? Не всѣмъ дѣтямъ Богъ посылаетъ способы исполнить свою обязанность, доказать милой матери что сердце дѣтское превзойдетъ себя, чтобы явить свою нѣжность. Я довольна собою. —

Явленїе VIII.

Софїя и *Модестъ*.

Софїя (*въ сторону*).

Теперь Софїя нужна тебѣ бодрость! (*къ Модесту*.) Графъ!

Модестъ.

Вы блѣдны Софїя! не уже ли приходъ мой васъ испугалъ?

Софїя (Стараясь притти въ себя.)

О! нѣтъ, я думала что это Докторъ Мерль. — Вы еще не знаете Графъ, что онъ взялся сдѣлать операцію надъ глазами маминьки, — и увѣряетъ въ успѣхѣ. —

Модестъ.

Щастливый человѣкъ! ему незапрещено быть полезнымъ Софїи! — Есть люди, которые согласились бы отдать жизнь свою, за одну пріятную минуту. — Но Софїя отвергаетъ ихъ, и старается не проникнуть въ ихъ душу. —

Софїя (Складывая руки и съ трудомъ удерживая слезы.)

Что я вамъ сдѣлала Графъ? пощадите меня въ сїю тяжкую минуту. —

Модестъ (Съ чувствомъ.)

Вы не здоровы? страшная перемѣна въ лицѣ вашемъ обнаруживаетъ скорбь! — Софїя! не уже ли я не могу въ ней участвовать? — Ежели вы не желаете, буду молчать о другихъ чувствахъ моего сердца; покрайней мѣрѣ, дружбѣ позвольте предложить вамъ свои пособїя. — Горесть ваша для меня нестерпима.

Софїя.

Успокойтесь Графъ! — я точно не здорова. Представляя себѣ что маминька сего дни будетъ меня ви-

дѣть, почти цѣлую ночь я не могла уснуть.

Модестъ (*беретъ ее руку.*)

О Софїя! съ какою покорностїю успокоивается мое сердце, когда вы того желаете! Согласенъ, что ожиданїе благополучїя можетъ васъ тревожить; одинъ я, не осмѣливаюсь ожидать для себя ничего пріятнаго. —

Софїя.

Добрая душа ваша найдетъ удовольствїя въ томъ щастїи, которое вы доставляете другимъ.

Модестъ.

Тщетное убѣжденїе, милая Софїя! Нѣтъ! никакое чувство добра не можетъ удовлетворить сердце, требующаго щастїя въ которомъ ему отказываютъ. — Ежели бы я и могъ кому доставить благополучїе, по

радуясь тому, все бы не переставалъ желать его себѣ; — а не находя, сердце бы мое тосковало посреди всѣхъ благословеній. — Ахъ! я самъ испыталъ, что въ пріятные минуты мы больше приближаемся мыслію къ тому предмѣту, въ которомъ заключено благо жизни нашей, — и съ которымъ судьба насъ разлучаетъ. — И такъ, можетъ ли любящій человѣкъ когда либо быть покоенъ? — Только одно — милая Софія — облегчаетъ скорбь его: одна безцѣнная увѣренность что онъ любимъ. —

Софія (въ замѣшательствѣ потупляетъ глаза въ землю.)

Модестъ.

Безъ сей пріятной надежды, жизнь для него тягостна! На примѣръ:

человѣкъ зависящій отъ отца, смѣетъ ли просить у него позволенія о соединеніи съ милою, когда онъ не знаетъ будетъ ли ей это пріятно? — Не имѣетъ ли права отецъ сказать: — ты только просишъ своего щастія а не ея. Какъ вы объ этомъ думаете Софія? —

Софія (*Сжавъ свои руки.*)

Съ какою радостію согласилась бы я ничего не мыслить и даже не чувствовать!

Модестъ.

Какое жестокое желаніе! — вамъ быть безъ чувствъ? — Въ чемъ же будетъ находить утѣшеніе тотъ, кто въ нихъ полагаетъ все свое блаженство? Кроткая душа твоя, готовая жертвовать собою для другихъ, не пожелаетъ моей погибели! —

Софія.

Готовая жертвовать собою для другихъ? — Модестъ!

Модестъ.

Нѣтъ, нѣтъ! У васъ есть горесть, которую я долженъ знать! Я не могу перенесть мысли о вашемъ страданіи. Софія! (*беретъ ее руку.*) Ради бога откройте мнѣ свою душу! Ежели я хотя не много любимъ вами, то позвольте мнѣ участвовать въ печали вашей. — Не страшитесь несогласія отца моего: сего дни же на прозбы мои онъ сопротивлялся снисходительнѣе, увидя васъ онъ вѣрно согласится на мое щастіе.

Софія (*Въ нерѣшимости.*)

Модестъ! — (*услыша за кулисами голосъ своей матери, вздра-*

гиваетъ и почти безъ чувствъ падаетъ на стулъ.)

Модестъ (*испугавшись бросается къ ней.*)

Боже мой! что съ вами сдѣлалось?

Софія (*закрывая руками глаза.*)

Добрая мать моя! спѣши ко мнѣ напомощь.

Модестъ (*съ удивленіемъ и безпокойствомъ смотритъ на Софію.*)

Не могу ничего понять! — и кто мнѣ это растолкуетъ? —

Софія (*встаетъ скоро съ горестнымъ но спокойнымъ видомъ.*)

Послушайте Графъ! завтре вы все узнаете — а сего дни умоляю

васъ, сдѣлайте мнѣ милость оставьте меня одну! —

Модестъ.

Извольте, я вамъ повинуюсь! — (*Уходя оглядывается назадъ, а Софїя стоитъ нелодвижно.*)

Явленїе IX.

Софїя (одна смотритъ горестно на дверь.)

Нещастный Модестъ! — Какое мученїе готовитъ для тебя Софїя! — Боже мой! ежели бы и его страданїя могла перенесть я одна! — Нѣтъ! я должна сказать Доктору: что сердце мое не въ моей власти; не откроетъ ли ему всегдашнее мое унынїе, что одна неволя предала меня ему? — О люди, люди! Я умоляла бы ваше состраданїе, ежели бы оно

могло облегчить мою душу! Какая тяжесть здѣсь — (*указывая на сердце*) и еще сколько я перенесть должна! (*подходитъ къ дверямъ материной комнаты*) Пойду искать подкрѣпленія въ ужасномъ состояніи моемъ. (*Отворяется дверь.*)

Явленіе X.

Докторъ и *Софія* (*хватается за стулъ, чтобы удержаться*).

Докторъ (*примѣтя сіе, въ замѣшательствѣ.*)

Получа вашу записку я спѣшилъ увѣрится въ своемъ щастіи! —

Софія.

Ахъ, Господинъ Докторъ! я не обѣщала вамъ щастія; очень чувствую что я не въ состояніи вамъ его доставить.

Докторъ.

Вы, Софїя? — кому же какъ не вамъ принадлежитъ даръ сей? да и что можетъ больше желать тотъ смертный, который удостоится обладать вашимъ сердцемъ? —

Софїя.

Моимъ сердцемъ? — (*беретъ Доктора за руку*) послушайте, любезной Докторъ! ничто на свѣтѣ не заставитъ меня обмануть васъ. — Я чту въ васъ добрую душу, и потому не боюсь сказать вамъ: что я не имѣю власти располагать своимъ сердцемъ; — но ежели вы будете довольны истинною дружбою и свято сохраняемыми обязанностями, то я готова принадлежать вамъ?

Докторъ (*цалуя ее руку.*)

Смѣю ли я требовать чтобы любовь ваша такъ скоро обратилася ко

мнѣ? — время и обстоятельства легко перемѣняютъ чувства наши!

Софїя (*горестно.*)

Какъ завидую я тому, кто можетъ такъ думать!

Докторъ.

И такъ вы мнѣ позволите видѣть вашу матушку? не надобно терять времени.

Софїя (*съ чувствомъ живѣйшей радости.*)

Боже мой! какъ я могла забыть сїю безцѣнную награду. (*Уходитъ.*)

Явленїе XI.

Докторъ (*одинъ.*)

Чего мнѣ стоило видѣть сего ангела въ такомъ состоянїи? — Удивляюсь тѣмъ людямъ, которые рав-

нодушно могутъ смотрѣть на горесть имъ подобныхъ. — На горесть, которую они сами причиняютъ. (*приготовляетъ инструменты.*)

Явленїе XII.

Докторъ, Софїя (*выводитъ Г-жу Любомирову и сажаетъ ее въ кресла.*) Марїя (*ей помогаетъ.*)

Софїя (*отирая слезы, становится на колѣна возлѣ креселъ.*)

Маминька, другъ мой! будьте покойны! Ангелы небесные охраняютъ васъ! —

Г-жа Любомирова.

О! я покойна! надежда увидѣть мою Софїю, умножаетъ мои силы. Господинъ Докторъ! я готова. —

Докторъ (подымая глаза къ небу, какъ бы прося его помощи. Потомъ беретъ инструменты и дѣлаетъ операцію. Софія сложивши руки смотритъ на мать, — а Марія въ углу плачетъ.)

Докторъ (съ радостію.)

Поздравляю васъ сударыня! все кончено; вы можете смотрѣть!

Г-жа Любомирова (смотритъ и почти въ исступленіи бросается обнимать Софію.)

Великій Боже! — Я вижу дочь мою! —

Софія (все еще на колѣнахъ обнимаетъ ее.)

О, маминька! какой взоръ! взгляните еще на вашу Софію! — (*при-*

жимаетъ руки ее къ сердцу.) Боже, Боже! продли сію божественную минуту для сердца моего. —

Г-жа Любомирова (расматривая ее съ горестію и нѣжностію.)

Софія! Софія! — (*прибирая ее волосы и целуетъ ее въ лобъ*) Какъ ты прекрасна! О, Господинъ Докторъ! какъ велико ваше благодѣяніе! каждой взглядъ на мою Софію, будетъ убѣждать мое сердце въ вѣчной вамъ благодарности.

Докторъ.

Увѣряю васъ сударыня! что никогда, ни одинъ Докторъ не имѣлъ столько удовольствія отъ своего искуства, сколько я теперь; — однакожъ какъ ни пріятна мнѣ сія неизобразимая сцена вашего восхищенія,

но позвольше мнѣ сударыня напомнить вамъ, чшо сильное напряженїе вашего зрѣнїя, можетъ быть вамъ вредно; вамъ надобно завязать глаза.

Софїя (*хватая его руку.*)

О! нѣшъ, нѣтъ!

Г-жа Любомирова.

Не отнимайте у меня удовольствїя видѣть мою Софїю!

Докторъ.

Софїя конечно не пожелаетъ чтобы удовольствїе ее видѣть, имѣло для васъ худыя слѣдствїя, въ коихъ ни искуство мое, ни сердечное желанїе не будутъ сильны помочь.

Г-жа Любомирова.

Повинуюсь любезный Докторъ! еще взглядъ на Софїю и я готова! — (*смотритъ на Софїю которая обни-*

мнетъ ее колѣна, а Докторъ складываетъ платокъ.)

Марія (приближается со слезами.)

Взгляните сударыня и на Марію вашу.

Г-жа Любомирова.

Виновата, другъ мой! что не замѣтила тебя прежде; обними меня. (*Марія цѣлуетъ ее руку.*)

Докторъ (завязывая глаза Г-жѣ Любомировой.)

На два дни сударыня!

Г-жа Любомирова.

Позвольте мнѣ хотя по одному разу въ день взглянуть на мою Софію!

Докторъ.

Извольте.

Софїя (*обнимая мать.*)

Маминька! другъ мой! какъ была бы щастлива Софїя, ежели бы могла доставить взорамъ вашимъ только пріятное для васъ.

Докторъ.

Теперь сударыня, вамъ надобно отдохнуть.

Г-жа Любомирова.

Все что вамъ угодно, добрый Докторъ! и съ завязанными глазами я вижу Софїю. Вы доставили мнѣ это щастїе; да наградитъ васъ Богъ! Онъ за доброе сїе дѣло пошлетъ вамъ награду, которой я не въ состоянїи здѣлать.

(*Докторъ и Софїя отъ сихъ словъ приходятъ въ замѣшательство.*)

Софія.

Пойдемте маминька! (*тихо Доктору*) а васъ прошу пожаловать часа черезъ два; — я такъ разстроена, что не могу даже изъявить вамъ моей благодарности. (*уводитъ мать и Марія уходитъ за ними.*)

Явленіе XIII.

Докторъ (*одинъ, укладываетъ свои инструменты.*)

Слава богу! мнѣ стало легче! Кажется будто доброе дѣло искупило сердце мое отъ не достойнаго обмана и стерло съ него слезы, которые я заставилъ проливать нещастную Софію. — Какъ бы я желалъ чтобы сей обманъ послужилъ къ ее щастію; да кто можетъ про-

тивиться пріятному желанію заслужить ее благодарность? — Счастливой Модестъ! — быть такъ любиму? Я завидовалъ бы тебѣ, естли бы не чувствовалъ что ты одинъ сотворенъ для Софіи. — Какое соединеніе добра! — Нѣтъ, мой любезный Графъ! я не въ состояніи долго обманывать Софію; и ежели ты не придешъ во время свиданія назначеннаго мнѣ ею, то я все ей разскажу. — Да и проститъ ли мнѣ сіе Модестъ, которому я столько обязанъ? — —

Конецъ второму дѣйствію.

ДѢЙСТВІЕ III.

Явленїе I.

Таже комната.

Софїя и ДокторЪ (*входятЪ вЪ одно время.*)

Докторъ.

Какова ваша маминька?

Софїя.

Она здорова, только чувствуетЪ большую слабость. — Я полагаю что это отЪ сильнаго движенїя.

Докторъ.

Конечно сударыня! — Можно ли ее видѣть?

Софїя.

Она просила васЪ немножко подождать. — Не угодно ли вамЪ сѣсть? —

(*подаетъ ему стулъ и сама садится. Молчанїе.*)

Софїя.

Вы меня простите Господинъ Докторъ! что я не имѣя тогда времени, не сказала вамъ ни слова о моей благодарности. — (*потупляя глаза*) Вы примирили меня съ душевною радостїю и дали новыя силы исполнить данное мною вамъ слово.

Докторъ (*съ восхищенїемъ.*)

И вы еще говорили Софїя — что не въ вашей власти доставить мнѣ щастїе, когда одинъ все изъясняющїй голосъ вашъ, проникая до глубины моего сердца — ручается мнѣ за то щастїе которымъ я скоро надѣюсь наслаждаться! — Я постараюсь доказать вамъ сударыня, сколь-

ко велико мое уваженïе къ вашимъ достоинствамъ.

Софïя.

Счастливъ тотъ человѣкъ, кого голосъ вселяетъ довѣренность въ доброе сердце и располагаетъ его къ участïю; на противъ какъ бѣденъ тотъ, кто обращая глаза свои во всѣ стороны, не встрѣчаетъ ни одной души понимающей его горесть.

Докторъ.

Какая мрачная мысль! — Не уже ли такъ мало добрыхъ на земли? мнѣ кажется, каждый кто захочетъ сыскать себѣ друга, можетъ легко отыскать его въ семъ пространномъ мïрѣ. —

Софïя.

Вамъ такъ кажется? — развѣ вы забыли тѣ желѣзныя цѣпи, ко-

торыя налагаетъ на насъ свѣтъ съ своими предразсудками? — Нѣтъ, любезный Докторъ! мало ли мы видимъ людей которыхъ случай сводитъ; кажется взоръ одного проникаетъ въ душу другаго; но холодная благопристойность ставитъ между ими тьмы преградъ не пускающихъ ихъ другъ къ другу.

Докторъ.

Ваша правда; я имѣю самой убѣдительный тому примѣръ. Кажется вы знаете Графа Модеста?

Софія (въ замѣшательствѣ.)

Да! онъ у насъ бываетъ.

Докторъ.

Прекрасный молодой человѣкъ! Я пользую ихъ домъ; — и вчера только узналъ, что онъ влюбленъ стра-

стно въ молодую, добродѣтельную дѣвицу бѣднаго состоянїя; — я не знаю ее имяни, но полагаю что достоинства ея превышаютъ все, когда она могла поселить такое безпримѣрное чувство въ сердце Графа Модеста. — Я вамъ не умѣю разсказать сударыня, съ какою нѣжностїю онъ умолялъ отца своего, согласиться на его благополучїе; — и кажется старикъ колеблется въ своемъ согласїи. — Каково будетъ тогда восхищенїе сего благороднаго молодаго человѣка! Можно сказать навѣрное: что его любезная будетъ щастливѣйшая женщина.

Софїя (*наклоняя голову на руку.*)

Ахъ!

Докторъ.

Что вы Софїя? — Вы не здоровы? Позвольте мнѣ посмотрѣть вашъ пульсъ.

Софїя. (*горестно смотря ему въ глаза.*)

Нѣтъ, любезный Докторъ! никто не можетъ облегчить болѣзнь Софїи!

Докторъ (*какъ бы не понимая ее.*)

На что такъ думать сударыня;— вы видѣли примѣръ; какая болѣзнь могла сравниться съ болѣзнїю вашей матушки, но сильное мое желанїе ей помочь имѣло наилучшїй успѣхъ.

Софїя.

Ахъ! Господинъ Докторъ! не дѣлайте мнѣ такого тяжкаго упрека! — Ежели бы въ моей волѣ было въ одну минуту здѣлаться здоровою — но не могу! ей богу не могу!

Докторъ.

Софїя! вы должны успокоиться; иначе вы въ самомъ дѣлѣ будете сильно нездоровы. (*Молчанїе.*)

Софія.

Позвольте мнѣ просить васъ здѣлать мнѣ милость: оставить свое требованіе до выздоровленія маминькинаго. — Я дала вамъ слово и оно для меня священно.

Докторъ.

Я иначе и не смѣлъ надѣятся. — Видно вы еще не говорили ей о своемъ обѣщаніи?

Софія.

Нѣтъ еще.

Докторъ (съ радостію.)

Тѣмъ лучше.

Софія.

Почему это?

Докторъ.

Потому — потому что ей теперь вредно растроивать себя чѣмъ

либо; — а вы знаете, что рѣшая участь дочери, мать не можетъ быть равнодушна.

Явленіе II.

Тѣже и старой Графъ Прямовъ.

Графъ (*Софіи, которая смотритъ на него съ удивленіемъ.*)

Не ошибся ли я сударыня! сочтя сей [illegible] за домъ Г-жи Любомир[illegible]

Софія.

Ни мало сударь, — вы точно у моей маминьки.

Графъ.

И такъ вы дочь ее?

Софія (*кланяясь.*)

Точно такъ.

Графъ.

Могу ли я сударыня видѣть вашу матушку?

Софія.

Она не очень здорова и потому я несмѣю вамъ того обѣщать; однакоже я спрошу ее ежели вы прикажете; но позвольте узнать кому угодно ее видѣть?

Графъ.

Я Графъ Прямовъ.

Софія (блѣднѣетъ, кланяется и говоря.)

Неугодно ли сѣсть? (*прежде всѣхъ бросается на стулъ.*)

Графъ (садится и смотритъ пристально на Софію.)

Не беспокойте вашу матушку; мнѣ очень пріятно будетъ провести

съ вами время, которое она отдыхаетъ. — Конечно мой любезный Докторъ пользуетъ ее?

Докторъ.

Точно такъ, Ваше Сіятельство!

Софія (приходя въ себя.)

Докторъ Мерль помощію своего искусства здѣлалъ намъ величайшее благодѣяніе; онъ возвратилъ зрѣніе моей маменьки, котораго она была лишена два года. —

Графъ (во все продолженіе разговора сего съ участіемъ расматриваетъ Софію.)

Благо ему сударыня; не каждый человѣкъ въ мірѣ употребляетъ свои дарованія, согласно съ волей Бога; не каждый находитъ душевную радость въ томъ, чтобы быть полезну

человѣчеству. Мы всѣ любимъ добро, а интересуемся имъ тогда только, когда оно бываетъ намъ представлено въ пріятномъ видѣ; — но не стараемся его отыскать тамъ, гдѣ оно прикрывается скромностію.

Софія.

Истинное добро, по мнѣнію моему Ваше Сіятельство, мало дорожитъ сужденіемъ свѣта; оно даже не старается скрывать себя подъ завѣсою скромности, зная что бываетъ слишкомъ видимо тѣмъ, кто есть цѣлью его дѣянія.

Графъ.

Какъ прекрасно ваше мнѣніе! — Кто умѣетъ такъ какъ вы цѣнить добродѣтель, тотъ превышаетъ всякую цѣну на свѣтѣ; конечно, какая тому нужда до сужденія людей, кто

своего судью заключаетъ въ своемъ сердцѣ; — и такъ, нашъ добрый Докторъ съ избыткомъ награжденъ за свое пособіе, бывши не только свидѣтелемъ, но и виновникомъ перваго свиданія нѣжной матери, съ своею несравненною дочерью; съ такою дочерью на которую и постороннїй не можетъ взирать безъ душевнаго движенія.

Софія. (*кланяясь.*)

Вы такъ милостивы — —

Г р а ф ъ.

Все не такъ какъ вы съ тѣми, которые нуждаются въ вашемъ пособіи. —

С о ф і я.

Въ моемъ пособіи Ваше Сіятельство? — Къ нещастію моему все что

ни окружаетъ меня, можетъ служить противнымъ тому доказательствомъ.

Графъ (*Оглядывается.*)

Первый разъ еще какъ я вошелъ сюда, я обратилъ взглядъ свой на окружающее васъ; до того же все мое вниманіе было занято такимъ богатствомъ, которое достаточно удовлетворить всѣ нужды сердца однимъ своимъ участіемъ. Имѣя священную обязанность, я узналъ васъ сударыня совершенно, хотя и не имѣлъ удовольствія васъ видѣть.

С о ф і я.

Люди часто ошибаются Ваше Сіятельство! Бывъ удалена отъ свѣта и отказывая себѣ во всѣхъ своихъ желаніяхъ — а еще болѣе слѣдуя совѣту и примѣру наилучшей изъ матерей, я не могла быть ни

въ чемъ обвиняема людьми; однакоже не смѣю принимать на себя всѣхъ тѣхъ добродѣтелей, какія приписываютъ мнѣ чувствительныя сердца.

Графъ.

Вы не хотите принимать ихъ потому, что не словами — а дѣяніями доказываете то мнѣніе, о которомъ намъ говорили: что истинное добро не обращаетъ вниманія на похвалу людей, — по крайней мѣрѣ не запрещаетъ себѣ удивляться. Кто лучше васъ сударыня, исполняетъ свои обязанности противъ своей матери? —

Софія.

Не уже ли исполненія столь священной обязанности можетъ возбудить удивленіе? — О! Ваше Сіятельство! какъ жалки тѣ дѣти, которые забываютъ опредѣленіе Божіе!

можетъ ли сердце ихъ чувствовать истинное утѣшенїе? — Нѣтъ! похвалы меня меньше всего трогаютъ, не превышаютъ ли ихъ милые слова моей маминьки: „Я довольна тобою Софїя.“ —

Графъ.

Кто можетъ быть не доволенъ вами сударыня, и не быть вамъ благодаренъ за то сердечное удовольствїе, котораго давно не имѣлъ слушая говорящую истинну.

Софїя (*потупляя глаза.*)

По этому вы рѣдко говорите съ Графомъ Модестомъ?

Графъ (*съ восхищенїемъ.*)

Съ моимъ сыномъ? — Нѣтъ Софїя! я слушалъ его сего же дня; — слушалъ кленущагося что ьы имѣе-

те всѣ достоинства, — и имѣлъ ослѣпленіе не вѣрить ему. — Теперь вижу что слова его были истинны; — вижу, и прошу васъ простить меня. —

Софія.

Ахъ, Боже мой! — въ чемъ я должна простить васъ? развѣ всякой человѣкъ обязанъ знать Софію?

Графъ.

Всякой отецъ обязанъ споспѣшествовать щастію своего сына. Я давно долженъ былъ стараться узнать васъ лично; зная привязанность Модеста къ вамъ, я смѣлъ думать что дѣвица бѣднаго состоянія союзомъ своимъ унизитъ его, — никогда себѣ не представляя, что достоинство и умъ ее возвысятъ его, и что еще больше, — здѣлаютъ его щастливымъ. Мнѣ пріятно сударыня, при-

знать вину свою предъ вами, надѣясь ее загладить. — Софія! позвольте мнѣ сказать вамъ откровенно за чѣмъ я пришелъ сюда? —

Софія (съ примѣтнымъ движеніемъ.)

Я слушаю съ удовольствіемъ все что вы ни скажете.

Графъ.

Кажется я могу говорить обовсемъ при нашемъ любезномъ Докторѣ? — онъ принятъ въ домѣ моемъ какъ свой.

Софія.

Благотвореніе которое онъ здѣлалъ намъ, даетъ ему и у насъ тоже мѣсто.

Графъ.

И такъ Софія, прошу васъ меня выслушать. — Сынъ мой Модестъ

любитъ васъ всею силою сердечной привязанности; но на всѣ его усильныя прозьбы согласиться на его и ваше щастїе, я всегда былъ не преклоненъ. — Наконецъ, щастливый случай открылъ мнѣ глаза, отвсюду я слышалъ объ васъ лестные отзывы; вездѣ говорили что вы есть наилучшее твореніе Божїе. Мой Модестъ съ сердечнымъ почтеніемъ произносилъ ваше имя. Скажите, могъ ли я тогда не согласиться съ шѣмъ однакожъ условїемъ, чтобы видѣть васъ прежде самому. И ежели вы, — простите мнѣ сїе испытанїе, — есть то что объ васъ говорятъ, предложить вамъ самому руку сына моего и просить васъ составить его щастїе. — Софїя! теперь я прошу у васъ сей милости. — —

Софїя (вскакивая со стула.)

О! добрѣйшїй человѣкъ! какой ядъ пролили слова ваши въ сердце Софїи! — Составить щастїе Модеста? — Боже, Боже! гдѣ я возьму силъ отказаться отъ сего?

Докторъ (съ примѣтнымъ принужденїемъ.)

Софїя! а обѣщанїе ваше.

С о ф ї я.

Ахъ! я слишкомъ чувствую его! — (*подходитъ къ Графу*) Боже мой! что должна я объяснить вамъ? — не смѣя простирать взоровъ на то благополучїе, которое сердце мое полагало въ союзѣ съ Модестомъ, — неимѣя ни какой надежды чтобы облегчить тягость своего существованїя, я рѣшилась пожертвовать своими чувствами обязанности наложенной на

меня Богомъ. Господинъ Докторъ Мерль, въ награду за сіе искуство, требовалъ руки моей; — я согласилась, мать моя видитъ, — и я его! —

Докторъ.

Софія! я ожидалъ сего отъ благородной души вашей.

Софія.

О, естли бы вы могли чувствовать чего мнѣ сіе стоитъ! вотъ мѣра моей скорби; ничто не можетъ превышать ее! Почтенный человѣкъ! умоляю васъ заставить Модеста своими отеческими совѣтами, изгнать изъ сердца нещастную Софію; пусть она одна оплакиваетъ свое благополучіе. — О Боже! осмѣливаюсь просить у тебя спокойствія благороднѣйшему Модесту! прощайте Графъ,

отнесите своему сыну мое послѣднее прости! Довольны ли вы Господинъ Докторъ? — (*Идетъ къ дверямъ материной комнаты, но сильный обморокъ лишаетъ ее силъ, и она падаетъ на землю.*)

Графъ (*бросается съ Докторомъ къ Софіи.*)

Что я надѣлалъ! помогите, помогите!

Явленіе III.

Тѣже *Модестъ* и *Викторъ*.

Модестъ (*не видя Софіи.*)

Викторъ! не обманываюсь ли я? это мой отецъ! — что онъ тутъ дѣлаетъ? (*подходя ближе и увидя Софію въ обморокѣ, бросается къ ней*

на помощь.) Праведное небо! кто довелъ ее до сего состоянїя? —

Графъ.

Прости стараго отца своего Модестъ! Я, я сему причиною.

Модестъ.

О! батюшка, что здѣлалъ вамъ сей ангелъ? не довольно ли горести причинила недовѣрчивость ваша вашему Модесту? о Боже мой! помогите ей!

Графъ.

Напрасно другъ мой, ты меня обвиняешъ, не узнавъ настоящей цѣли моего здѣсь присудствїя.

Модестъ (*не слушая его наклоняется къ Софїи.*)

Софїя! Софїя! открой милые глаза свои! (*Доктору*) умоляю васъ

помогите ей. (*Подымаютъ всѣ Софїю и сажаютъ на стулъ. Модестъ третъ руки ее и цѣлуетъ безпрестанно.*)

Модестъ.

Нѣтъ такой силы на земли, которая бы могла отторгнуть Модеста отъ Софїи; сопротивленїе ваше, батюшка, не попрепятствуетъ мнѣ умереть у ногъ ея. (*Софїя приходитъ въ чувство. Примѣтя сїе Модестъ бросается предъ нею на колѣни*) Софїя! Софїя!

Софїя (*открывая глаза, и увидя Модеста осматривается во кругъ.*)

Маминька! гдѣ маминька?

Модестъ.

Что съ вами здѣлалось Софїя? Что значитъ сей сильный обморокъ?—

Графъ.

Не сказывалъ ли я тебѣ Модестъ, что я тому причиною! узнай все дѣло и потомъ суди отца твоего. —

Модестъ (съ нетерпѣніемъ.)

Извольте продолжать; я слушаю.

Графъ.

Слышавъ отъ тебя безпрестанно одно и тоже, что ты любишъ Софію, я захотѣлъ узнать ее покороче; Докторъ открылъ мнѣ, что по прозьбѣ твоей пользуетъ Г-жу Любомирову, и надѣется ей помочь. Большаго труда мнѣ стоило уговорить его испытать Софію; наконецъ онъ мнѣ обѣщалъ притворится будто не соглашается иначе помочь

ее матери, какъ получивъ честное слово что она будетъ его.

Модестъ.

Чувствую что она согласилась. — О Софія! ты не предвидѣла какой ударъ готовила ты моему сердцу! Кто могъ отнять тебя у Модеста?

Графъ.

Но это былъ обманъ.

Софія (вскакивая со стула.)

Это обманъ? — О слава Богу! что это обманъ.

Модестъ.

Невинная душа! кто могъ сомнѣваться въ твоей добродѣтели? Вы видите батюшка, сколько добра въ семъ миломъ твореніи! въ минуту радости, она забыла всю тяжесть

своей горести. (*протягиваетъ руку Софіи*) Софія! милая Софія! и такъ ты не отвергаешъ моего сердца?

Софія (*подаетъ руку со слезами.*)

Можно ли отказаться отъ обладанія тѣмъ, что есть наилучшаго въ мірѣ! Ахъ, какъ прекрасно это сердце!

Модестъ (*цѣлуетъ ея руку.*)

Батюшка, батюшка!

Графъ (*отирая слезы.*)

Прости меня Модестъ! я старый, недовѣрчивый безумецъ не могъ вѣрить, чтобы сердце женщины было исполнено всѣми добродѣтелями. Прости мнѣ сынъ мой! — и ты дочь сердца моего — моя Софія! обнимите отца своего! (*Софія и Мо-*

дестъ бросаются обнимать его и въ восторгѣ падаютъ на колѣни, Графъ кладетъ руки имъ на головы) Да благословитъ васъ Богъ, дѣти мои! Встаньте, встаньте! обнимите другъ друга; пусть сердце мое порадуется вашимъ щастїемъ.

Софія.

Нѣтъ Модестъ! только отъ отца имѣли мы благословенїе, а нѣжнѣйшая мать наша? — она еще не знаетъ сколько щастлива ее Софїя. Я пойду и приведу ее.

Модестъ.

О Софїя! ты во всемъ неподражаема! (*Софїя уходитъ въ комнату матери.*)

Явленїе IV.

Прежнїе, кромѣ Софїи.

Модестъ (цѣлуетъ руку у отца.)

Могу ли батюшка чѣмъ либо загладить поступокъ мой предъ вами? Я осмѣлился думать что вы противитесь моему щастїю, упрекать васъ въ жестокости; какъ бы ни была чрезмѣрна страсть моя къ Софїи, я не долженъ былъ забывать сыновнюю обязанность, и всегдашнюю вашу ко мнѣ нѣжность.

Графъ.

Надѣюсь что щастїе твое, любезный мой Модестъ, изгладитъ изъ памяти нашей всѣ прошедшїе неудовольствїя.

Викторъ (ложимая руку у Модеста.)

Теперь мой другъ прими и мое поздравленіе. До сего я не хотѣлъ прерывать наилучшую сцену для чувствительнаго сердца; я самъ ею наслаждался.

Модестъ (обнимаетъ его.)

О мой Викторъ! — Какъ жаль, что въ сію минуту я не имѣю твоего убѣдительнаго краснорѣчія, чтобы изъяснить тебѣ мою признательность. — Какія слова могутъ изобразить мое благополучіе ?

Докторъ (Модесту.)

Графъ! простите мнѣ обманъ, который мнѣ дорого стоилъ.

Модестъ (обнимая его.)

Любезный мой Докторъ! — Софія моя; — наполняя мою душу, она

изгнала оттуда всѣ непрїятныя напоминанїя; (*жметъ его руку*) напротивъ, я еще обязанъ тебѣ; — никогда бы батюшка не могъ любить Софїю столько, сколько теперь ее любитъ. Я постараюсь чтобы щастїе вознаградило ее за тѣ слезы, кои обманъ вашъ заставилъ ее пролить; — не означаютъ ли сїи безцѣнные слезы что я любимъ ею?

Викторъ (*улыбаясь смотритъ на Модеста.*)

Милой Модестъ! — Какъ видно что ты щастливъ; всѣ движенїя твои изображаютъ то. — Какъ желаю я видѣть тебя всегда въ такомъ расположенїи духа.

Модестъ.

Другъ мой! сердце мое такъ полно, что я никогда не имѣлъ такой охоты расказать его чувства.

Викторъ.

О! я никогда не имѣлъ такого желанія глядѣть на тебя, — слушать тебя; — каждое твое слово дышетъ тѣмъ восхищеніемъ, которымъ наполнена душа твоя!

Модестъ.

Чье сердце какъ не твое, можетъ раздѣлить со мной сіе восхищеніе.

Явленіе V и послѣднее.

Тѣже и Софія *вводитъ Г-жу Любомирову съ завязанными глазами.*

Софія.

Господинъ Докторъ! развяжите ей глаза; пусть она увидитъ свою щастливую Софію.

Докторъ.

Извольте здѣлать это сами сударыня.

Софїя (снимаетъ платокъ съ глазъ Г-жи Любомировой и бросается ее обнимать.)

Маминька! милая маминька! благодарите Бога за благополучїе своей Софїи.

Г-жа Любомирова.

Милый другъ мой! не проникаетъ ли Его всевидящїй взоръ внутрь души моей? — тамъ обитаетъ благодарность чтущихъ милосердїе Его! — (*смотря вокругъ себя.*) Гдѣ же твой Модестъ? —

Софія (взявъ Модеста за руку, подводитъ къ Г-жѣ Любомировой.)

Не уже ли вы не узнали его маминька? — Что можетъ быть его милѣе и прекраснѣе?

(*Г-жа Любомирова обнимаетъ ихъ по перемѣнно.*)

Г р а ф ъ.

Это наши дѣти сударыня! я благословилъ ихъ отъ всего моего сердца, теперь ваша очередь.

Г-жа Любомирова (прижимая Модеста и Софію къ своему сердцу, подымаетъ глаза къ небу.)

Великій Боже! — пусть сердца ихъ питаютъ сію чистѣйшую любовь до предѣловъ гроба! — Съ ка-

кою радостію глаза мои закроются теперь на вѣки.

Софія.

Это будетъ еще не скоро. (*подаетъ руку Модесту.*) Модестъ! — теперь я твоя! — (*обнимаютъ другъ друга.*)

Занавѣсъ опускается.

Продолженіе списка имянъ подписавшихся на полученіе сочиненій Кричевской:

Въ Богославлѣ.
Кіевск. Губер.

Руб.

Москов. пѣх. п. Подполковникъ Федоръ . . . . . Василёвъ - - 5

Въ Николаевѣ.

Фл. Лейт. и Кав. Павелъ Ивановичъ Шишуковъ 1 экз. - - - 10

Въ С. П. Бургѣ.

Екатерина Александровна Марцинкевичева 1 экз. - - - - 10

Въ Сумахъ.

Антонина Николаевна Стремоухова 5
Лида Николаевна Стремоухова - - 5

Руб.

Въ Ярославлѣ.

Марья Петровна Розова 2 экз. - - 10

Въ Минскѣ.

Лизавета Тимофѣевна Петропавловская - - - - - 5

Викентій Францовичъ Фрибесъ - 5

Фелиціанъ Бенедиктовичъ Арцимовичъ - - - - - - 5

Въ Чугуевѣ.

Иванъ Михайловичъ Никитинъ - - 5

Въ Купянскѣ.

Егоръ Яковлевичъ Тихоцкій - - 5

Въ Екатеринославѣ.

Никонъ Андрѣевичъ Андрѣевъ - - 5

Въ Ольвіополѣ.

Глафира Ивановна Сабова - - 5

Руб.

Въ Полтавѣ.

Наталья Федоровна Руновская - - 5
Катерина Михайловна Перепелкина 5

Въ Переволочнѣ.

Анна Ивановна Шидловская - - 5

Въ Валкахъ.

Демьянъ Ивановичь Булычовъ - - 5

Въ Новгородѣ.

Надежда Ивановна Жеребцова - - 5

Въ Ахтыркѣ.

Михайло Степановичь Лесевицкій 5
Семенъ Семеновичь Карташевскій - 5

Въ Бабаяхъ.

Екатерина Петровна Щербинина - 5
Софія Сергѣевна Щербинина - - 5
Марья Андрѣевна Бедрагина - - 5

Руб.

Въ Харьковѣ.

1 Елисавета Николаевна Квиткина - 5
2 Авдотья Антоновна Карзенова - 5
3 Александра Григорьевна Зарудная - 5
4 Анна Петровна Ковалевская - - 5
5 Катерина Юрьевна Фонъ-Минстеръ 5
6 Екатерина Николаевна Смирнитская - - - - - - 5
7 Николай Юрьевичь Квитка - - 5
8 Иванъ Ивановичь Будянскій - - 6
9 Василій Андрѣевичь Зарудный - 5
10 Василій Николаевичь Смирнитскій 5
11 Николай МихѣевичьАрхангельскій 5

Сочиненія *Любови Кричевской* въ 2хъ книгахъ продаются въ здѣшнихъ книжныхъ лавкахъ. Иногородные могутъ адресоваться къ Эконому Инсти-

тута *Его Благ. Демьяну Григорьевичу Радецкому*; цѣна обѣимъ книгамъ 5 руб. съ пересылкою; принимается и больше, поелику деньги сіи вступаютъ въ кассу Общ. Благотворенія и о таковыхъ приношеніяхъ будетъ извѣщаема Публика.

12

LRBJa'14

Deacidified using the Bookkeeper process.
Neutralizing agent: Magnesium Oxide
Treatment Date: Jan. 2007

PreservationTechnologies
A WORLD LEADER IN PAPER PRESERVATION
111 Thomson Park Drive
Cranberry Township, PA 16066
(724) 779-2111

LIBRARY OF CONGRESS
00025326192